

АЛЕКСАНДР
СОЛЖЕНИЦЫН

КРАСНОЕ КОЛЕСО

МАРТ
ДЕКАДАЦАТОГО
КНИГА 4

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Собрание сочинений в 30 томах

Александр Солженицын

**Красное колесо. Узел 3.
Март Семнадцатого. Книга 4**

«WebKniga»

Солженицын А. И.

Красное колесо. Узел 3. Март Семнадцатого. Книга 4
/ А. И. Солженицын — «WebKniga», — (Собрание
сочинений в 30 томах)

ISBN 978-5-9691-1048-9

От имени Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов в Европу послан интернационалистский Манифест «К народам мира». Революция разливается по стране, автор показывает нам фронт, деревню, железные дороги, Церковь, донских казаков, волжское купечество и возвращается каждый раз в Петроград, где читатель наблюдает, как самозванный Исполком фактически контролирует и направляет Временное правительство. В редакции «Правды» – разногласия верного ленинского последователя Шляпникова и прибывшего из сибирской ссылки Каменева (свергать Временное правительство или поддерживать?). Ленин из Цюриха сговаривается через германского посла о своём беспрепятственном проезде с группой единомышленников через воюющую Германию – в Россию.

ISBN 978-5-9691-1048-9

© Солженицын А. И.
© WebKniga

Содержание

Узел III	5
Десятое марта	5
532	5
533	8
534	10
535	15
536	19
537	22
538	23
539	26
540	31
541	33
542	38
543	41
544	44
545	47
Одиннадцатое марта	51
546	51
547	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Александр Исаевич Солженицын
Красное колесо
повествование в отмеренных сроках

Узел III
Март Семнадцатого
23 февраля – 18 марта ст. ст
Книга 4

Десятое марта
Пятница

532

Варсонофьев дома и в городе.

Сегодня приснилось, что Епифановна подаёт ему телеграмму. И он сразу почему-то понял, что телеграмма та – не простая, но – *астральная*. Павел Иванович взял её, она была не от руки написана телеграфисткой и не печатающим аппаратом, – а типографски. И сразу же он увидел: к ней есть и примечание, мельче, внизу. И по своей книжной привычке, большому вниманию к сноскам, он стал сразу читать не главный текст, а примечание. Однако буквы петита оказались чересчур мелки – или искажались, едва на них падал взгляд? – начинали плыть. Тогда он скорей поднял глаза на главный текст – но и тот был упущен, уже размылся. Ни слова не прочёл. И холодея понял, что это путает нечистая сила: не хочет, чтобы люди узнали важное глубинное известие.

Проснулся.

Сон показался таким значительным – сейчас же его записать, несколько слов на листок, при ночнике, потому что потом заспится – никогда не вспомнишь.

Что-то в этом было истое: какой-то посланный нам, но не доходящий до нас смысл.

Ещё только чуть брезжило, и Павел Иванович опять заснул. Но в это утро не суждено было ему покоя. Он оказался где-то в темноте, и кто-то невидимый, стоя сбоку, взял его кисть в свою руку и стал выразительно сжимать. И он – понял это предупреждающее сочувственное сжатие: сейчас он что-то увидит, что-то блеснёт и объяснится. Сжатие сильнее – и нарастало в нём чувство: сейчас увижу! – сейчас увижу! – сейчас увижу! Отчасти страх, отчасти жажда увидеть, – и проснулся судорожно.

Отдышался.

Между обоими снами была несомненная связь.

Какие-то знаки посылались, но – неразгадаемые.

Уже взошло солнце. Были те короткие минуты, когда утренний луч пробирался справа мимо стенки трубы и переходил по свешенной вязовой ветке. Иногда вестник радостного

утра, иногда безжалостен он был этой резкостью освещения, беспощадно вызывавшей к жизни.

От которой Варсонофьев всё больше отставал по скорости? отодвигался по высоте?

Но время ли так впадать в старость и в отдых? В эту тревожную неделю врывалось наружное и в его уединённость. Нет, начиналась такая пора, что и старые кости ещё нужны будут в дело. Его голос ещё послушает кое-кто.

Хотя вот Льву Тихомирову, с его отстоянной годами одинокой позицией, гордей бы посидеть дома. Зачем он нуждался унижаться, идти являться к новым властям, – увеличивать их значение?

За эти дни Павел Иванович сделал несколько выходов – в университет, в городскую думу, в так называемый «комиссариат», и посидел в Английском клубе в публике на расширенном заседании Комитета общественных организаций, а сегодня был зван в кинематограф «Арс» на заседание кадетской партии.

Не успели ещё миновать дни событий, как городская дума уже была занята их увековечением. Сильно хромой, но непоседливый, энергичный Челноков, со своим хорошим протяжным московским акающим говорком, просил и собирал ото всех «воспоминания об этих днях», как будто всё уже установилось и не было дела важнее. А может из-за того, что ему приходилось уступать пост городского головы, он спешил теперь навёрстывать в истории. Да и все члены думы, – правомочны ли, демократичны ли, всё это теперь заколыхалось, – спешили укрепить себя постановлением о воздвижке грандиозного Дворца-памятника в честь бессмертного переворота, и уже посланы были чиновники узнавать цены строений на Воскресенской площади и во всём Охотном ряду: всё это предстояло снести и скрыть для увековечения. (А – жалко было Павлу Ивановичу Охотного ряда.)

Пост городского головы уже предлагался Астрову, но лукавый самоуверенный Астров не хотел принимать, ожидая себе более важное назначение в Петрограде, очевидно в правительстве?

Варсонофьев с удивлением наблюдал эту их напряжённую заинтересованность в новых постах – как будто они совсем не понимали ничтожную шаткость их в ураганном размахе событий.

За восторгами от быстроты и безкровности они теряли ответственность за судьбу страны: ещё во что, ещё во что это перельётся дальше? Неужели такой сильный ток Истории, едва начавшись, может так мирно улечься?

Вообще москвичи считали себя обойденными: они столько вложили в раскачку Освободительного движения, так часто ступали впереди Петербурга – а вот их всех обошли, кроме князя Львова никого не взяли в правительство, ещё Кокошкина там допустили поблизости, – и тем жарче москвичи теперь хором требовали, чтоб Учредительное Собрание собиралось в Москве. Теперь громко заявляли, что революцию подготовил более всех Земгор – а он возник в Москве. А в Петрограде вечные туманы и сырость влияют на психику тамошних людей, и те забывают о насущных нуждах страны. Москва же – центр народного движения против царя, средоточие общественной мысли, колыбель России, – и пора навсегда покончить с петербургским периодом нашей истории.

Оно-то бы и правда, Учредительному – конечно место в Москве.

А комиссариат – то бишь теперь вместо градоначальства – занял генерал-губернаторский дом на Тверской. Там распоряжался, расхаживая под неснятыми портретами всей династии, придавая жестами себе энергии, – хлопотливый, суетливый, недалёкий врач Кишкин, до сих пор управлявший санитарной деятельностью, по которой и выдвинулся из Союза городов. Главная же задача комиссариата была теперь: борьба с возможной контрреволюцией. А выдвинулся Кишкин на том, что 3 марта, в день сумасшедшего революционного трезвона, – ни с кем не сговорясь и никем не уполномоченный, решился показать, что и сам

он демократ и вся городская дума, – и, хотя ещё никто не знал тогда об отречении царя, – выступил, что царь «для нас» не нужен.

И сейчас на вопрос Варсонофьева, как он думает овладеть положением, Кишкин нервно отвечал:

– Да не бойтесь вы демократии! Не пугайтесь Совета рабочих депутатов! Вот я работаю с ними уже несколько дней – и не могу себе представить организации более сильной, лучшей и правильно смотрящей. Вы сходите туда сами!

Тут к Кишкину добился режиссёр Большого театра и просил назначить третейский суд ему с хором: хор теперь обвиняет его, что он в царское время был слишком требователен.

Павел Иванович побрёл в университет. Там в богословской аудитории он застал заседание профессоров на тему: моральное очищение университета; и – можем ли мы мириться в наших рядах с теми, кто нас прежде дискредитировал; и – как нам участвовать во всеобщем становлении революционных взглядов. Решили создавать из профессоров лекторат – для распространения в населении здоровых понятий о государственном устройстве. Так взятая, идея была очень хороша: здоровые понятия о государственном устройстве ой как были нужны – и не только тёмному нашему народу, но и светлой нашей интеллигенции. Однако дальше всё сразу разделилось: а какие же понятия – здоровые?

Тут Варсонофьев не выдержал и подзудил их: вот например, всеобщее избирательное право – это здоровое понятие или нет? А если это только механическая схема, у всех на виду, идея примитивных умов? Единственно ли возможная основа народного представительства? Руководить – всё равно должно государственно-опытное меньшинство, – но к более тонкому построению власти долго и трудно идти.

Очень зашумели. Заострилось: так с какой же платформы лекторы будут объяснять? Одни предлагали: со строго академической позиции. Другие настаивали: нельзя никого лишить права выражать свои партийные взгляды, но можно обязать всех к такой общей платформе: война до победы и всеобщее содействие Временному правительству.

От университета поднимался Варсонофьев медленно по Никитской, как и все прохожие уставая от размеса перемолотого ногами, зернистого, не убранного с тротуаров снега, – и ощущение у него было, что во все эти его выходы, во всех местах, с ним играли какую-то недостойную игру. Пока он сидел невылазно в своём дряхлом домике, глубоко размышлял, видел тайные сны, слушал через форточку обезумелый колокольный звон – он и сам был богаче и предполагал богаче мир вне себя. Но если всё это великое свершение только-то и сводилось к сносу Охотного ряда, послаблению оперному хору, политической очистке профессорских рядов и ежедневному заседанию нескольких собраний в разных залах, из которых правильней всего смотрит Совет рабочих депутатов, – то стоило ли Варсонофьеву выходить? Что ему в этом мире делать?

Верней: пришла ли пора делать?

Ход революции оказался и пошлей – но и таинственней, чем он думал.

Проходя мимо «Униона» у Никитских ворот – должен был сойти с тротуара, обойти у входа группу арестованных, окружённых конвоем. Это были с белыми узелками или с пустыми руками, в штатском или в остатках полицейской одежды люди, жавшиеся, жалкие, напуганные, – медленно, по переключке, запускаемые внутрь.

Варсонофьев спросил, ему объяснили, что это – полицейские и жандармы, свозимые из уезда. Тут, в кинематографе, им место предварительного заключения.

И Варсонофьев – вдруг вспомнил. Вспомнил, как в самом начале войны он с двумя студентами сидел тут в пивной, под «Унионом», – и сказал им что-то вроде: кто знает, ни вы ни я не знаем, что ещё в этом «Унионе» будет.

Не мог он в который раз ещё и ещё не удивиться – всеобщей тайной связи вещей.

Встреча Брешко-Брешковской.

Веру Фигнер девушки видели теперь уже не раз, и совсем вплотную: она была высшей руководительницей всего их комитета по помощи освобождённым политическим и иногда приезжала в их центральное бюро при клубе адвокатов. А как раз сегодня вечером их бестужевское отделение (в которое и Фанечка с Веронькой входили) устраивало в Театре музыкальной драмы митинг с участием Фигнер. И уж на сегодняшний день никак бы нельзя отрываться – но именно в 11 часов утра должна была вернуться поездом из Сибири «бабушка русской революции», как все поголовно звали её, – знаменитая Брешко-Брешковская.

И как же было удержаться, не встретить?..

Сорок четыре года назад Екатерина Константиновна, уроженка аристократической семьи, отправилась для пропаганды в гущу простого народа. Через несколько лет она была осуждена по знаменитому процессу 193-х к пяти годам каторжных работ, после каторги бежала с поселения, но неудачно, снова арестована и отправлена на Карийскую каторгу. А дождавшись амнистии по восшествию Николая Второго – скрылась от полицейского надзора и 10 лет была на нелегальном положении. К эсерам она примкнула при самом их основании. 10 лет назад снова была арестована, жила в Сибири на поселении, уже 73-летняя бежала в мужском платье с Лены, поймана, – и вот теперь возвращалась из Южной Сибири триумфально в Петроград – как символ полувековой борьбы за свободу! Небывалый момент!

Брешко-Брешковская была не на одно, а на два революционных поколения старше тётки Адалии и тётки Агнессы. Тётя Адалия, природнённая ко всей народнической традиции, решила непременно сегодня идти встречать «бабушку». Напротив, тётя Агнесса, строго преданная своей анархистской партии, не хотела встречать никого другого первого, кроме Кропоткина, когда он приедет. Хотя отдавала дань и Бабушке: она стояла у колыбели максималистов, это она вселяла в них нетерпение, что революция делается слишком медленно. Теперь отвалились многие спорности между партиями, как: признание-непризнание подполья, террора, участие в парламенте. Но и – всем было жаль покидать свои старые испытанные знамёна.

И вот тётя Адалия пошла вместе с Веронькой и Фанечкой. Пошагали – потому что именно с тётей Адалией сесть на трамвай было совершенно невозможно, так давились и висели с подножек. Да и цветы в руках чтобы не помять.

А идти было – до Николаевского вокзала. Первоначальный маршрут Брешко-Брешковской был назначен через Москву, чтобы и там могли торжественно встретить. Но уже в пути кто-то где-то перерешил, и теперь она приезжала с вологодской линии.

На Бестужевских курсах занятий всё не было, хотя была резолюция слушательниц: приступить к ним с удвоенной энергией, но и к общественной работе. (По поводу занятий ещё одну сходку собирались делать. Было много идей: требовать увольнения слишком строгих профессоров; и чтобы больше не было оценки «весьма удовлетворительно», а только «удовлетворительно», пусть все будут равны; и вообще – соединиться с Университетом.) Профессора в эти дни мало появлялись на курсах, обслуга не убирала, в аудиториях мусор и даже окурки. Да ходили-то на курсы только на сходки, да один раз на митинг о текущем моменте, устроенный партией эсеров. Не от особой склонности к эсерам, а чтобы своими глазами посмотреть знаменитых революционеров: выступали там и были захлестнуты прибоем оваций – Герман Лопатин и Кулябко-Корецкий. Многих лиц на курсах Вероня уже не видела незапамятно, от самой революции, например Ликони. А с другими, как с Фанечкой,

не разлучалась. Из общественной работы настолько не вылезала, что вот и с тётей поговорить было всё некогда.

Главную работу девушки вели по помощи освобождённым политическим. С утра, едва вскакивали, они неслись либо в своё центральное бюро, где с утра же неизменно сидела Ольга Львовна Керенская, либо – по городу со вчерашним заданием: собирать по домам пожертвования, добывать и устраивать квартиры, кровати, бельё, или закупать питание, или помогать устраивать медицинскую и юридическую помощь, или расспрашивать приезжающих о сидевших с ними, и составлять списки тех, и разыскивать навстречу – ведь не все же явятся и попросят. Работа была бы иногда изнурительна, если б не так благодарна своей пользой и человечностью: ведь помогали самым избранным людям, столько страдавшим за счастье народа! (Правда, в бюро являлись за помощью и многие самоосвободившиеся уголовные. Неприятна была роль отказывать им и объяснять почему.)

Ещё в затее было: создать музей ссылки, с предметами обихода ссыльных и заключённых, – и уже теперь, имея в виду эту цель, приглядывались и иногда выпрашивали у освобождённых какие-либо вещи.

Потомки будут целовать эти потускневшие кружки и изношенные одежды.

До вокзала дошли в половине одиннадцатого, и уже оказалось поздно. О, что тут творилось во дворах вокзала и на перронах – сбитая толпа, возбуждение, сколько учащейся молодёжи, и гимназисты, и партийные деятели, и, конечно, просто обыватели, – не протолпиться! Худенькую, слабую тётю Адалию так сжали, чуть не раздавили, Вероня и Фаня устроили ей защитную коробочку своими спинами.

Но какая у всех упоённая радость! какое ликование, лёгкость! С какой нежностью выговариваются свято-революционные имена – до Александра Фёдоровича Керенского (наш!) и Николая Семёновича Чхеидзе (наш!). Какое счастливое время! спали оковы с тел и душ. Вчера по Петрограду был слух, что царь сбежал из-под ареста, – ничего подобного, никуда он не сбежал.

И у скольких цветы – гиацинты, тюльпаны, хризантемы! Какая весна! Как засыпят сейчас Бабушку! Что за символическая встреча! Для съёмки приготовился кинооператор, а саму Бабушку ждали убранные вокзальные царские комнаты.

На боковых путях, на стоящие там вагоны и паровозы всюду уже взобралась публика – смотреть.

Затем вскоре раздалась марсельеза мощного оркестра! Думали: это уже подходит поезд, и потому играют. Ах, как великолепно!

Но что-то звуки шли не с той стороны: нарастали, потом стали ослабевать. Объяснилось, что это – по Знаменской площади проходила колонна солдат с оркестром, только и всего.

Как? А своего оркестра – на встрече нет? Ну, это даже обидно, даже оскорбительно, не могли предусмотреть!

Так – и поезд не подошёл? Нет, и поезд не подходил, передавали. Передавали спереди, потому что пробиться было никак нельзя.

Однако позиция девушек и тёти оказалась внезапно выгодной – с их ступенек, подъёмно ведущих из дворика на перрон, они хорошо увидели, как позади них толпа расступалась, расступалась – и бурно аплодировала и кричала.

И Вероня и Фаня увидели – и тоже закричали приветственно. Повезло им увидеть! – это шёл в направлении бывших царских покоев от автомобиля сам Керенский! За все эти революционные дни они видели его впервые! – и теперь просто выхватывали глазами! (Люди зашептали: он признаёт себя учеником Бабушки!)

Стройный, тонкий, он шёл с такой лёгкостью – изящной лёгкостью, но и лёгкостью героя. И в минувшей толпе не глядя ни на кого отдельно, он скользящей скромной улыбкой как бы отвечал им всем.

И какая сосредоточенная умность лица!

О наконец-то, о наконец же Россия в руках умных людей!

И – Фигнер была уже на вокзале. И были депутации от Архангельска, от Дерпта, от Великих Лук и от Вышнего Волочка.

А поезд всё не шёл и не шёл. С вологодского направления – не шёл. А из Москвы пришёл – и пассажиры и носильщики с чертыханием пробивались через толпу.

Настроение стало охладевать, цветы – повядать, ноги мёрзнуть. Но тётя Адалия воодушевлённо держалась твёрже девушек: для неё Брешко-Брешковская была живая героиня её юности.

По толпе передавали, что к двенадцати часам подойдёт иркутский поезд – и Бабушка будет в нём.

Но не шёл иркутский.

Толпа стала киснуть и редеть. Стало возможным проходить вперёд. Наши пошли туда дальше, на перрон. Да тут был весь интеллигентски-демократический Петроград, знакомые раскланивались.

Потом передали: запрошена станция Званка, иркутский придёт только завтра в 5 утра, но Бабушка с ним почему-то не едет.

Кто-то высказывал, что она – недомогла, сошла с поезда, и теперь приедет только 15 марта.

Но что ж, об этом не могли раньше узнать?

Такая досада!..

А уже когда вернулись к себе на Васильевский, позвонил им знающий знакомый: что запросили телеграфно Омск, – Бабушка не прибыла ещё и в Омск.

534

(по свободным газетам, 10 марта)

ГРОЗНЫЙ ЧАС...

К НАСЕЛЕНИЮ, АРМИИ И ФЛОТУ

Граждане! Воины! Перед лицом надвигающейся и уже близкой опасности... Недремлющий враг стягивает всё, что можно, к нашему фронту. И если мы не сплотимся... Народу предстоит великий подвиг... Судьбы родины в ваших руках.

Подписали: Львов... Милюков... Гучков... Шингарёв... Керенский...

ВОЗЗВАНИЕ. 9 марта 1917.

Воины и граждане свободной России! Германцы накапливают силы для удара на столицу... Захват Петрограда положит конец новому строю... Солдаты, проникнитесь... Только повинясь офицерам... Временное Правительство признаёт глубоко прискорбными и всякие самоуправные и оскорбительные действия в отношении офицеров... И пусть тяжкая ответственность падёт на тех, кто...

Военный и морской министр *Гучков*

Начальник штаба Верховного Главнокомандующего Алексеев

...Германия готовит страшный удар на Востоке. Русская революция мешает кровавому кайзеру. Вильгельм хочет восстановить в России старую династию... Россия благословляет свою чудную рать на одоление врага...

СУДЬБА ЦАРЯ. ...Князь Львов ответил нашему корреспонденту: да, вчера мы обсуждали... Большинство склоняется отправить царя с семьёю в Англию. Вопрос об удалении династии из пределов России во всяком случае не вызывает сомнений. Сейчас царь под арестом, меры пресечения приняты.

...Заядлые изменники Романовы, постоянно говорившие о необходимости предать русскую армию только для того, чтобы сохранить престол безумцу-царю и полупомешанной царице из нищих гессенских принцесс...
(«Русская воля»)

...Какое-то гнилое болото у них в душах... Император всероссийский, этот помазанник Божий, ненавидел Россию, и чтобы спасти свой сгнивший престол...

НА СЛУЧАЙ ПОБЕГА. По всем пограничным пунктам России и Финляндии разосланы телеграммы: принять необходимые меры на случай могущего произойти побега Николая Романова из Царского Села.

...Уверенно говорят, что Временное Правительство имеет точные документы, что Романовы желали повторить попытку Людовика XVI... И всегда склонные к сепаратному миру, а на этот раз ради реставрации монархии... Документы настолько серьёзны... Оградить Россию от укуса змей.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ РЕСПУБЛИКА!!!

Петроградское дворянство, приветствуя Временное Правительство, изъявляет полную готовность предоставить все свои силы... Разослали телеграммы дворянствам других губерний...

К Временному Правительству. Мудрые избранники народа! Вы отважно решились стать у власти. Бездну знаний, мужества, таланта приходится вам проявлять. Исполинские задачи возложены на ваши плечи. Мы радостно выразили присягой свою полную покорность вам.
13-й Уланский Владимирский полк

...Отсутствие хлеба помогло родиться свободе, но дальнейший рост её немыслим без хлеба. Спешите снять с отечества страшную тень голода!

По последним сведениям, крестьянство уже начинает усиливать привоз хлеба на рынок. Теперь затруднения могут быть только временные.

...Из всех гарнизонов Петроградского округа получают вполне успокоительные сообщения. В большинстве гарнизонов воинские части энергично пресекают попытки грабежей и другие эксцессы.

...Исчезают становые, урядники, исправники, стражники – а в жизни не произошло ни малейшего замешательства.

...местами краткие временные проявления пугачёвщины, ещё не проникшейся радостным величием времени...

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ ОТМЕНЯЕТСЯ в России единым росчерком пера первого народного министра юстиции... Отмена смертной казни – благороднейший дар воссиявшей свободы! Величайшая в мире революция – безкровно и завершится.

АМНИСТИЯ ДЕЗЕРТИРАМ. ...Уклонение от отбывания воинской службы при старом режиме явилось последствием чрезвычайно тяжёлых условий в рядах войск. Особенно остро это ощущалось людьми интеллигентных профессий. Между дезертирами масса людей интеллигентных, которые оставляли фронт не из трусости, а от режима старого правительства. Теперь они с радостью готовы отдать жизнь, но боятся ответственности. Военный министр Гучков на вопрос нашего корреспондента... Никакого преследования к прежде уклонившимся, если они теперь явятся.

...Жандармы и полиция сидят под замком, а студенты их охраняют. Тут улыбнётся и мёртвый...

НОВЫЕ ПРИСЯЖНЫЕ ПОВЕРЕННЫЕ. Вчера, 9 марта, в московской судебной палате приведено к присяге 110 евреев – помощников присяжных поверенных. Общественный раввин Мазе обратился к ним с речью: «Отныне все сильные и благородные душой могут и должны развить всю энергию и мощь духа... Канули в вечность те времена, когда требовалось стирание национальной личности, отречение от своей веры... Всего более я радуюсь за великую Русь...»

...9 марта на общем собрании петроградской судебной палаты было приведено к присяге 124 еврея, помощника присяжных поверенных, и приняты в присяжные поверенные.

...Русский народ – демократ, это уже не раз отмечали наши публицисты. Изумительна культурность народного восстания...

ТРАГИЗМ ЦЕРКВИ. Черносотенная деятельность церкви, от митрополитов до сельского духовенства, неизбежно наводит на подозрение, что церковь по самой своей природе была связана с рабством. Трудно отказаться от этих подозрений. Но история русского освобождения помянет немало семинаристов добрым словом – сильную бунтующую мысль детей духовенства. 1905 год показал, что духовенство не всё сплошь занято черносотенным идеалом.

Обращение Святейшего Синода к чадам православной церкви.

Свершилась воля Божья... Доверьтесь Временному правительству все вместе и каждый в отдельности... Чтобы подвигами, молитвою и повиновением облегчить ему великое дело... Да благословит Господь труды и начинания Временного российского правительства.

...Отцы церкви впервые свободно вздохнули при Временном правительстве.

Илиодор из Нью-Йорка сообщает, что едет в Россию. Пишет, что «утопит монархию в грязи». Книга его о Распутине «Святой чёрт» будет бесплатно раздаваться народу.

АМЕРИКА И ГЕРМАНИЯ. На днях президент Вильсон сделает заявление конгрессу, что Америка фактически уже находится в состоянии войны с Германией. Русская революция уничтожила последнюю оппозицию в Америке против вступления в войну. Война уже признаётся начавшейся.

Заявление английского правительства в палате общин. На вопрос о безопасности бывшего царя... Нет причин беспокоиться за судьбу его и членов семьи.

ГРОБ РАСПУТИНА ВСКРЫТ. Цинковую крышку разломали на куски, каждый хотел взять себе. Это, говорили, на счастье, как верёвка от повешенного.

ЧЁРНЫЕ АВТОМОБИЛИ. Несмотря на наступившее успокоение – чёрные автомобили продолжают терроризировать публику. Вчера вечером появилось два новых чёрных автомобиля: один мчался с бешеной быстротой мимо Зимнего дворца, другой расстреливал публику в Лесном. Для поимки чёрных автомобилей по городу выслано три бронированных. Нет сомнения, что в ближайшие дни они будут пойманы.

...Дабы получить билет на право входа в Таврический дворец, надлежит обратиться с письменным заявлением к дежурному адъютанту. На следующий день заявившим объявляется резолюция коменданта и кому пропуск разрешён – выдаются билеты.

Подписал: комендант полковник Перетц

...Совершенно уничтожить повсюду названия «Александровский» и «Николаевский»...

ДЕКЛАРАЦИЯ ПЕТРОГРАДСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ. ...Проект Венгерова был принят с поправками Иорданского, Ляцкого, Амфитеатрова... Ликует и трепетно волнуется Россия на всём своём великом протяжении... И могут ли не быть переполнены энтузиазмом сердца писателей русских при созерцании чудеснейшего из всех известных всемирной истории переворотов?.. Не литература присоединяется ныне к революции, а революционная Россия осуществила то, что проповедуется русской литературой уже больше 100 лет... Радищев развернул знамя свободы. Первую оду вольности сложил Пушкин... Злая сатира Грибоедова, горький смех Гоголя... Достоевский – певец бедных людей... Тургенев – апостол освобождения крестьян... Некрасов – Тиртей русской революции... Гениальная сатира Салтыкова... Ослепительный успех революционной мысли Белинского, Чернышевского, Писарева, Михайловского... Великие изгнанники Герцен и Лавров...

Веруем и исповедуем, что свободный народ... что небывалый расцвет...

...Вставайте, товарищи художники! Слейтесь в единый весенний поток и с кликом «да здравствует свободное русское искусство!» смойте из дворцов искусства всю императорскую плесень и мишурную мерзость!.. Под красным знаменем революции организовать ячейку революционного правления.

...Митинг в Московском Художественном театре... Чувства святого восторга...

Чествование Грузинова. ...Командующий сказал: «Я не стремился к тому посту, который сейчас занимаю. Но судьба поставила меня на это высокое место...»

Ташкент. Великие события приняты русским и туземным населением восторженно.

Киев. В городскую думу включены представители от еврейских организаций. Ночью проведены обыски в поисках Маркова и Замысловского, но тщетно.

Одесса. Собрание чинов полиции, городских и представителей рабочих... Как обеспечить возможность искреннего служения полиции новому строю. Комплект городских сокращается наполовину. Над зданиями участков – красные флаги.

Ялта. Местные чины Союза русского народа заявляют в печати о преданности новому правительству.

Царицын. Второй день пожар в тюрьме.

Саратов. Общество потребителей решило построить дворец Свободы.

Орёл. Появилась мука и керосин.

...В то время как города уже примкнули к новому правительству, деревня продолжает оставаться в неведении. Это может создать брожение.

В **Макарьевском уезде** крестьяне грозят разгромить земство, которое не озаботилось подвозом хлеба.

...С новым режимом домовладельцы могут попробовать перестать топить свои дома...

Открыта подписка на роскошное художественное издание **Русская Революция.**

КТО ВЕРНЁТ в Управление ТРАМВАЙНЫЕ РУЧКИ...

Деревенская девушка желает поступить прислугой, только не к евреям.

НУЖНА барышня-еврейка в интеллигентную семью к мальчику.

КУРОРТ ГУРЗУФ открыт круглый год. Первоклассная французская кухня. Аппартаменты по 3–4 комнаты, телефоны. Морские ванны во всех отелях. Итальянский оркестр. Верховые лошади.

Писатель-француз приглашает в качестве секретаря молодую православную даму или девицу симпатичной наружности, любящую литературу и совершенно свободную.

КАБАРЕ ПОДВАЛ открыт, Леонтьевский пер.

535

Шингарёву мешает общественность. – Продолжатель Риттиха. – Воззвания. Усилить реквизиции. – Мысль о хлебной монополии.

И всю жизнь Шингарёв, кроме работы, не знал ничего – но ещё так ему не доставалось. Как неуклюже топчутся два борца, всё схватываясь, всё норовя лучше подцепить противника, – так и он топтался, пытаясь охватить эти плечи необъятные, эту тушу непомерную своего неизведанного противника – продовольственной проблемы. Он прерывался лишь на короткий сон и на длинные заседания правительства, правда ещё на дорогу домой тратил время, потому что не захотел вселяться в казённую квартиру при министерстве – стыдно казалось (а удобно бы очень – и министерство, и правительство в одном шаге, на Марининской площади). Всё же остальное время он тонул в этом море, пытаясь измерить его.

Он не из рук докладчиков, но сам должен был прознать всю глубину. Он был нов на деле, а нужно было действовать как давнишнему тут, прирождённому. Весь окоём застилала проблема, как накормить сейчас армию, города и потребительские губернии.

Но и давние, и долгодействующие течения должны были быстро стать ему известны: как не прервать и даже установить прочней земледельческую статистику, без чего не будет видно вперёд; как не прервать смет по развитию земледелия в Семиречьи (надо признать, плодотворное наследство Столыпина); или как не подорвать обработку хлопка в этом году в Туркестане; или как укрепить школу Народных Искусств по развитию ремёсел. А дни революции навалили – на кого ж, если не министра земледелия? – ещё преогромную задачу: осваивать земли императорского пользования – Удельные и Кабинетские, – и передавать – кому? как? Это требовало не дней, а нужда была почти дневная – хотя б для того, чтоб не начали громить помещиков.

Трудно, трудно – но и как плодотворно это всё являлось! Так больно оторванный от изученных финансов – вот уже, за неделю, Шингарёв, кажется, сжился и с министерством земледелия. Да может быть даже оно было ему куда и родней, чем министерство финансов. Да всё родно, что делается для родной России, только уж определиться бы к какому-нибудь делу одному.

Но ещё и сами организационные формы не помогали, а скорей мешали ему. По сравнению с министром царским у Шингарёва система получалась как бы не запутанней: ведь он был повязан ещё постоянной связью с Советом рабочих депутатов, с его продовольственной комиссией, и совещательным советом, навязанным ему. Когда Шингарёв оппонировал Риттиху в последние недели Государственной Думы, он упрекал его, что надо больше слушать общественность, а с *развёрсткой* не торопиться. А вот набиралось у Шингарёва этой общественности с избытком, но от кипенья её ему не просвечивало облегчения.

И только сейчас ощутил и осознал Шингарёв, какую тяжестью висело на министре земледелия громоздкое Особое Совещание по продовольствию, которое Прогрессивный же блок и придумал: многолюдное совещание при министре малоответственных советчиков из общества. Ещё недавно, пока Шингарёв и его друзья были в оппозиции, такое совещание казалось им единственным способом вселить разум в правительственные действия. Но вот Шингарёв стал министром – и увидел всю обременительность, неоперативность, неуклюжесть этой затеи: она способна только отягощать и задерживать его действия, а в идеях Совещания он не нуждался: они сами были из дела видны. Теперь он изобретал предлоги, как бы этого Совещания вовсе не собирать.

Шингарёву неизбежно было опереться на свою систему продовольственных комитетов, – но как сложно и долго было их составлять! И каким образом взять советников от питающей деревни, как услышать голос самих крестьян? Общегосударственному комитету не через кого было начать работать, пока не будут созданы продовольственные комитеты губернские, уездные, волостные, – созданы спешно, да чтоб достаточный перевес демократии над цензовыми земцами, и чтоб работники были деловые. Как набрать их всех быстро, толково – и особенно в волостях! – из кого набирать в волостях? кто готов к этой работе? Вот когда под горло подступило пожалеть, что Государственная Дума столько лет тормозила столыпинское волостное земство!

Сейчас предстоял самый опасный тяжёлый месяц полного бездорожья в центральных губерниях. Уже начавшаяся на юге распутица теперь будет продвигаться на север, а после снежной зимы она будет долга, и русская деревня со всеми запасами закроется на полтора месяца. До распутицы надо успеть собрать столько хлеба, чтобы всей армией и всеми городами просуществовать апрель и май. По всей Средней России надо было успеть подвезти зерно к станциям в самые короткие дни. Чтобы вся деревня как один человек бросилась доставлять запасы! Воздействовать на население надо было так быстро, как не могли успеть никакие законы, распоряжения и организационные меры, – воздействовать надо было пламенным словом!

Да такой путь воздействия был и более всего открыт, понятен и близок сердцу Шингарёва! Он даже предпочёл бы только так и действовать с министерского поста. Патриотический порыв – наше счастье, исцелитель всех наших недугов! Все планы дрожали и таяли из-за надвига распутицы, и оставалось только – снова и опять воззвать! Воззвать – к порыву людей. Самое простое – прибегнуть к человеческому голосу, подать его – о помощи! – и соотечественники, и мужички не могут не отозваться! Везите хлеб! Соотечественники! Меньше всего думайте о ценах и выгодах, а – везите хлеб! Если война требует жертв жизнью – почему ж не пожертвовать достоянием?

По бездорожью, по инертности – воззвание не дойдёт? Так – проталкивать его в крестьянское сознание! Пусть оно будет по церквям прочтено и разъяснено духовенством! И телеграфировать во все земства! И пусть уездные земские управы мобилизуют самых популярных общественных деятелей – на разъезды и разъяснения! В хлебобродные губернии посылать комиссаров, эмиссаров: разъяснять крестьянам всю важность обеспечения городов хлебом.

Так первые дни из деятельности Шингарёва рождались главным образом только воззвания – то от имени Родзянки, то от целого правительства, то – особо к кооператорам, этой деревенской интеллигентной силе. Нужна спешная закупка и доставка хлеба к станциям и пристаням!

Хлеб производят крестьяне, но лучшая надежда получить его – через интеллигенцию. Если не интеллигентные силы будут агитировать за сдачу хлеба – то кто же? Постановил Шингарёв собрать в конце марта кооперативный съезд.

Однако прошла уже полная неделя Временного правительства, телеграф разнёс все воззвания по всей России, – а сани с зерном что-то слабо показывались на станциях.

Министр земледелия ещё продолжал делиться с печатью: да, все надежды возлагает только на общественную самодеятельность... На местах уже осознали и приступили к ликвидации доставшегося нам тяжёлого наследия... Продолжал искренне так говорить – но сам уже начинал и разочаровываться: воззвания воззваниями, но только государственные меры могли по-настоящему решить дело.

Неделю назад его коробила разосланная Продовольственной комиссией телеграмма, дававшая *право* реквизировать хлеб у всех, чья запашка больше 50 десятин. А позавчера Шингарёв созрел – и телеграфировал по всей России циркулярно: всем уполномоченным по закупке хлеба для армии – эту реквизицию *привести в исполнение немедленно*, платя по твёрдым ценам. Он не только не отменил ту телеграмму – он усилил её!

О, если б на насильственную реквизицию хлеба решилось царское правительство – кадеты первые бы уничтожили его в Думе. Но сейчас, когда власть перешла в руки народа, а Думы как бы совсем не стало, – теперь революционная власть, не боясь нареканий парламента, могла декретировать хоть и эту меру, хоть и бóльшую: создать по всем губерниям и уездам энергичные хлебные комитеты – для добывания, вытягивания хлеба из русской глубины.

Теперь, вблизи, присматривался Шингарёв к деятельности своего предшественника Риттиха – и начинал сознавать, что тот делал на своём месте, пожалуй, наилучшее, что только мог. Разбираясь в кипах министерских бумаг, разглядывал теперь Шингарёв, что не в царском наследии было дело. В этом самом кабинете работавший Риттих (к счастью – ушедший от ареста, иначе это невыносимо мучило бы сейчас Шингарёва) – как бы оставил ему тут, в воздухе, и наилучшие советы. И Андрей Иванович начинал увлекаться тою системой, с которой так недавно боролся.

Как недавно, две недели назад, восклицал Шингарёв в Думе: политика мешает Риттиху делать священное дело продовольствия. «Неосторожно, господин министр!» Но сейчас именно политикой – революционной – была переплетена и перемешана вся хлебная работа Шингарёва. Как недавно высмеивал в Думе Шингарёв риттиховскую идею *развёрстки*, активного призыва населения к добровольным поставкам, – а идея-то была правильная. До Риттиха, с августа по декабрь, смогли купить только 90 миллионов пудов, а за декабрь-январь Риттих умудрился купить 160 миллионов, за что Милюков разносил его в Думе, а сейчас города и армия только этим и переживали зиму. А сейчас – о если бы, если бы поступление хлеба было февральское риттиховское, которое кадеты в Думе называли катастрофическим, – о если бы оно, мы пережили бы весну! Но доходили сейчас вагоны хлеба, заготовленные при Риттихе, – а новые никак не заготавливались, несмотря на весь революционный подъём.

Кадеты и сам Шингарёв обвиняли Риттиха в его настойчивой громогласной хлебной развёрстке – как безчеловечной мере. А сейчас Шингарёв обдумывал те же самые проблемы как уже имеющий власть – и ясно видел, что развёрстка хлеба не только нужна и должна быть ещё форсирована (с некоторых губерний потребовано слишком мало), – но для спасения страны развёрстка уже слишком слаба. Если и предстояло исправить меры Риттиха, то, с удивлением видел Андрей Иваныч: не сдерживать их, не отменять, но резко усилить в том же направлении, вмешивать государство не меньше, чем было при Риттихе, но – больше, беря под государственный контроль и заготовку, и перевозку, и разгрузку, и распределение повсюду. (Да Андрей Иваныч и прежде так начинал подумывать – но перед единством кадетской партии не смел высказываться.)

То есть... то есть проступала страшная, отчаянная мысль: глядя на Германию (к ней давно уже приглядывался Шингарёв) ...не пришлось бы вводить *государственную монополию* на хлеб? Реквизиции – это только начало, а за ними проглядывало множество насильственных мероприятий, вплоть до того, что: весь хлеб России объявить собственностью

государства! (Как это и сделано в Германии.) Внезапно, по телеграфу, в глушь, отрезанную снегами и распутицей, объявить: за вычетом норм посевных, кормовых и продовольственных для самих крестьян – всё остальное зерно объявляется собственностью государства, и хозяева этого хлеба превращаются лишь в хранителей его, ответственных перед государством.

Идея была – страшная своей революционностью, своей необычностью для России: Шингарёв дерзал переступить черту, ещё никогда никем не переступленную за тысячу лет России, – отнять хлеб у сеятеля и кормильца!

Но для спасения самой же России ничего другого придумать нельзя.

Однако: по ценам, что есть сейчас, забирать хлеб насильственно и даже весь подчистую – безсовестно, невознаградно за труд.

Так неужели же? – ох, неужели? – надо поднять твёрдые цены на хлеб? Самим поднять, против чего так резко спорили? – это будет позор кадетского знамени! Этими зимними месяцами, вторым лидером кадетской фракции, никакого сомнения не имел Шингарёв, что твёрдые цены надо понижать. Но сев на министерское место – сам теперь увидел ясно, что их надо поднимать, как Риттих поднимал. Должны же оправдаться и затраты землевладельцев!

Нескольких разумных посетителей из деревни в эти дни успел принять Шингарёв, в том числе известного тамбовского помещика князя Бориса Вяземского, приехавшего на похороны брата, – с большим опытом в сельском хозяйстве и разнообразными способностями. (Шингарёв знал его по Усманскому уезду, уважал.) И между прочим, Вяземский предупреждал, что твёрдые цены не избежать повысить, если Временное правительство не хочет поставить всю деревню против себя.

Однако все эти свои новые догадки – осмелится ли Шингарёв высказать публично? Страшно перешагнуть через кадетскую совесть. Демократические деятели и сегодня бушуют, что нельзя поднимать твёрдых цен, но наказывать, наоборот, понижением цены всякого, кто задерживает хлеб. А что закричит Совет рабочих депутатов? Это поднимется такой свист и грохот...

Перед немым лицом бородатого серого мужика – страшно было Шингарёву сделать шаг в хлебную монополию, даже до холодного пота. Перед подвижными, быстрыми лицами демократических коллег – так робостно, стыдно было обмолвиться о повышении твёрдых цен.

* * *

А ты проверь – пройдёт ли в дверь?

* * *

536

***Посол Бьюкенен в России. – Проблема приглашения
царя в Англию. – Обсуждение с Милюковым.***

За десять лет, предвоенных и военных, сэр Джордж Бьюкенен почувствовал себя в России чем-то большим, нежели посол: тесные, тёплые связи с русским обществом выдвигали его как бы в общественные деятели самой России. (Правда, по-русски он так и не научился.) Может быть, лучшим тут символом было, что в прошлом году Москва избрала его своим почётным гражданином, поднесла ему икону XV века и громадную серебряную чашу, изображающую шлем русского богатыря. В здании посольства у Троицкого моста Бьюкенен поселился не как временный посол, но как постоянный житель этой страны, перевёз сюда и всю свою личную обстановку из Англии, все свои вещи, всё, что имел, – ибо наша жизнь и есть наша повседневная, а не какая-то откладываемая будущая. (Когда начала бушевать по улицам революция, где-то кого-то грабили – можно и раскаться, стоило ли всё сюда везти?)

В этом здании Бьюкенен часто принимал Родзянку, Гучкова, Милюкова, оппозиционных думских лидеров, здесь запросто очень свободные велись политические разговоры, и проклинались самодержавный строй, и императрица, и даже передавались слухи о заговорах, как и по всему Петрограду. Будучи человеком волевым и действенным, Бьюкенен не ограничивался этими благожелательными разговорами – но и сам выступал с влиянием. Министру Сазонову он просто стал близкий личный друг, и они пребывали в полном ладу, отчего так выигрывали англо-русские отношения. Узнав, что готовится смещение Сазонова, Бьюкенен совершил беспрецедентный для посла шаг: уже не имея времени даже для консультации с английским правительством – послал российскому императору личную от себя телеграмму: что посол так тесно работает с Сазоновым, что не может скрыть страха, какой вред его отставка причинит англо-русским отношениям, отчего и вынужден предостеречь царя от такой ошибки. А царь не ответил – и сместил Сазонова. (Министр сэр Эдуард Грей потом одобрил демарш Бьюкенена, и вообще его способ ведения дел в России, но, к сожалению, телеграмма стала известна немцам, и те окрестили посла некоронованным королём России.)

Так глубоко от сердца вошёл Бьюкенен в русские дела – не скрывал своих симпатий к стремлениям русских либералов и вместе с ними вёл следствие о несомненной государственной измене Штюмерера (увы, несомненных улик не удалось собрать – а реакционность его была у всех на виду). Богатый опытом и практическим зрением, Бьюкенен не мог отказаться давать и самому русскому царю пояснения, объяснения и советы. Он пытался остановить его и от неразумного принятия Верховного Главнокомандования. Он указывал ему на аудиенциях, что для блага России – надо даровать ей парламентский строй и пойти на уступки общественности. Иногда предлагал ему кандидатов на то или иное министерство. В прошлом октябре очень рекомендовал царю подарить Японии Северный Сахалин – за то, чтоб она прислала свои войска на русский фронт. Вообще он усвоил разговаривать с Николаем II, как до него ни один посол не разговаривал с державным властителем. А после убийства Распутина запрашивал Лондон, можно ли энергично поговорить с царём от имени английского короля и правительства. Такого полномочия он не получил – и решил говорить от собственного имени. В эту последнюю аудиенцию, накануне Нового года, царь принял посла не

в обычной непринуждённой обстановке, но в торжественном зале аудиенций, один, в парадной форме и стоя, сразу отгородясь холодом официальности. Но и это не остановило сэра Джорджа, и он энергично убеждал императора, что единственный способ спасти Россию – это отказаться от нынешней внутренней политики и уничтожить преграды, отделяющие царя от народа. У Государя – странный способ выбора министров, и отдаёт ли он себе отчёт в опасности положения? «Если Дума будет распущена – я потеряю веру в Россию! Вы, Государь, находитесь на распутье и должны выбрать одну из дорог!» И предостерегал, что некоторые советники императора – в руках немецких агентов. И пока Протопопов у власти...

Всё тщетно! Николай держался оскорблённо, ничему не внял. И то была – последняя аудиенция. А революция, к счастью, назрела и прорвала, и вот уже была достигнута одна из целей, которые Англия преследовала: укрепить Россию для ведения этой войны.

И теперь, поворотом исторического колеса, вот, английский посол оказывался едва ли не распорядителем судьбы этого царя.

Два дня назад, выполняя пожелание Милюкова, Бьюкенен телеграфировал в Лондон, что Временное правительство просит предоставить в Англии приют бывшему царю и желает срочного ответа.

Такое приглашение не просквозило в телеграмме короля к царю (которую Временное правительство, видимо, не передало адресату, – пожалуй и к лучшему; да это – его дело). И такое приглашение казалось невозможным, если знать всю обстановку в Англии и чувствительность либерального правительства Ллойд Джорджа к левым голосам. Но вопреки всем предвидениям и к полному изумлению сэра Джорджа, сегодня пришла из Лондона телеграмма, что король и правительство Его Величества счастливы присоединиться к предложению Временного правительства о предоставлении Государю и его семье убежища в Англии, – разумеется, если они будут обеспечены необходимым содержанием и, разумеется, лишь на время войны.

Это ново! Удивительный документ! Тут больше движения чувств, чем реальной политики. По дипломатической привычке сэр Бьюкенен перечитывал и перечитывал, выявляя невидимую часть... *Присоединиться к предложению* – вот где был ключ в телеграмме, вынужденной и вряд ли долговечной. Перед общественностью Великобритании правительство Ллойд Джорджа не могло представить этот переезд иначе как результат настойчивой просьбы Временного правительства.

Но была ли на деле такая настойчивая просьба? Из прошлых разговоров с Милюковым Бьюкенен не вынес впечатления о большой решимости правительства – и даже наоборот. Этим ключом и следовало отпирать.

По революционной обстановке Бьюкенен избегал пользоваться и своим автомобилем, и своим выездным фазтоном с серыми в яблоках лошадьми с дрожащими ноздрями и роскошным кучером Иваном в синем наващенном толстом армяке, голубой четырёхуголке с посольскою кокардой, в белых замшевых перчатках, с голубыми возжами. Сейчас сэр Джордж предпочитал, чтоб не нарваться на оскорбления, скромно пройти пешком по Миллионной до министерства.

В ту же минуту принятый Милюковым, он положил перед ним расшифровку телеграммы.

Милюков был облегчён – несомненно, он не ожидал столь быстрого и столь решительного ответа из Лондона. Облегчён – но и смущён:

– Но, сэр Джордж! Я уже говорил вам: мы никак не можем допустить, чтобы раскрылась инициатива Временного правительства в этом вопросе! Она должна остаться в тайне. Мы находимся под страшной угрозой и нареканиями Совета рабочих депутатов!

– Но, господин министр! – возражал посол. – Наше правительство также имеет своих крайних левых, с которыми должно считаться. Мы тоже не можем взять инициативу на себя. Согласие, вы видите, пришло исключительно в ответ на вашу просьбу.

За очками Милюкова появилось совсем редкое для него умолительное выражение:

– Но в нынешней обстановке... Мы никак не можем выявить такой инициативы, сэр Джордж! О нас подумают...

– Но и мы, Павел Николаевич, не можем допустить, чтоб общественные круги не только Англии, но и России заподозрили бы английское правительство в намерении реставрировать русскую монархию.

Тупик.

– Примите во внимание, что переезд царя положит косвенную тень также и на французское правительство – как бы тоже в соучастии в попытках реставрации. Будут протесты и там.

Обсудили аспекты второстепенные. Чтоб император не покидал Англию, пока не будет окончена война? Да, это очень желательно и с русской стороны – чтоб он не стал где-либо игрушкой врагов. Содержание? – да, да. (Хотя: разрешат ли средства Государя вывезти из России?..) Снова осведомился посол, насколько сейчас прочно обезпечена безопасность бывшего императора? Один великий князь, не желающий оглашения своего имени, посетил дочь посла и предупреждал, что император будет убит, его надо вывезти поскорей.

Милюков с неожиданно живым движением очень попросил посла: не контактировать ни с какими членами сверженной династии! – это может бросить тень и на вас и на нас.

– Но ведь в России сейчас нет поводов ожидать какой-либо опасности царю? – настаивал посол.

– О, ни малейшей, – заверил Милюков.

Тогда Бьюкенен ещё, гипотетически:

– А отчего бы Государю не поехать в Ливадию? Там он будет и хорошо защищён, и его легко там изолировать.

– Увы, возможны неприятные задержки в пути со стороны революционных рабочих. И потом – семья ещё не выздоровела.

Посол ушёл, а Милюков остался со своим недоумением.

Несмотря на дружбу с Бьюкененом, он тоже не мог говорить откровенно.

Собственно, сэр Джордж сам его сбил позавчера, проявив слишком уж повышенное беспокойство о судьбе царя. Он сам подтолкнул Милюкова усилить, ускорить просьбу об отъезде царя в Англию.

Буквально такого поручения от правительства Милюков не имел. Это всё были – скользящие мнения, предположения, – а на самом деле правительство зажато Советом.

Да просто нельзя было ожидать от Англии столь поспешного – хотя по-английски и уклончивого – согласия.

Только ли оно! Русский посол в Мадриде князь Кудашев только что телеграфировал, что и испанское правительство приглашает Государя, и безо всяких условий.

Дело не в приглашении – дело в невозможности: что скажет Совет?

Да и сам Кудашев – слишком откровенный монархист, его следует уволить.

Саня солнечным днём в лесу.

Так было тихо всквозную на фронте, что в солнечный день в лесу был слышен шорох: как подтаявший снег осыпается с сосен.

От череды дневных таяний и ночного морозца образовался наст. И на открытом поле он так и держится прочно, едино, поблескивая в солнце, а в местах осенённых вдруг со страшным шуршанием вдаются, опадают большие плиты корки.

В лесу (Саня забрёл в Голубовщину) там и сям по снегу темнеет какой-то сор. Это нашелушилась и облетела бронзовая прозрачная бумага – сосновая тонкая кора с верха стволов.

А где и потолще, это снизу ствола.

И немного игл, не досыпавшихся осенью.

А то – насорённая шелуха от десятка разгрызанных сосновых шишек. И мелкие следы, мельче заячьих. Живут!

У молодых сосен из концов веточек уже растут желтоватые свечи.

А небо – белесовато-голубое, нежное, ранневесеннее.

От солнца коже – прямое тепло. И где-то в воздухе – перемещение тёплых струек, между холодных.

И ото всего вместе – нежная тяга: когда же, наконец, начнёшь ту главную свою жизнь – чистую, светлую, необходимую? До каких же пор – окольные пути, война какая-то?..

Что-то в Сане отчуждалось от войны. Сам пошёл, два с половиной года долгом вгонял себя в военного человека, и даже втянулся, даже почти безоглядно воевал, – а вот отказало что-то. Не стало совсем стрельбы, военных действий – и Саня сразу ощутил себя выключенным из войны.

Увы, его – не считали выключенным. И сегодня дали расписаться в приказе, что с понедельника он будет при фольварке Узмошье, при штабе бригады, через день обучать офицеров 1-го лейб-гренадерского Екатеринославского и 3-го гренадерского Перновского полков действиям с противотанковыми орудиями.

Странно это было сейчас.

За долгое стоянье здесь обучали кого чему, появились добавочные специальности. Устимович – газовый комендант, Чернега – по орудиям противозаградным, а Саня стал как бы специалист по выдвинутым вперёд одиночным орудиям против ожидаемой новинки – «танков», железных передвижных чудовищ, которые у англичан уже в деле, а у немцев вот-вот должны появиться. Танков ни разу ещё не было, но в январе Саня стрелял с передней линии по прожекторам, по нему отвечали – а он продолжал стрельбу и заставил прожекторы погаситься, – светили немцы потом ракетами, кострами, а прожекторов больше не зажгли. А потом еле укатали орудие, немцы дали по тому месту смертоносный огонь.

С того вечера подпоручика Лаженицына и признали окончательно – по противотанковым орудиям.

Но петроградские события – лишали это всё смысла.

Такое ощущение, будто кончилось санино дело здесь. Что-то надломилось и в войне, и ещё более в нём самом – и Саня разом потерял к ней вкус.

Немцы? – наверняка не будут больше действовать, появилась уверенность. Зачем это им? Они только рады нашей революции, руки развязались.

Даже энергичные честные слова приказа по армии Командующего Смирнова не собрали Саню к действию. Да и вряд ли кого многих. Они – искренно выражали, да не всё нынешнее состояние. В соседних гренадерских полках то одна, то другая рота отказались идти на работу – и оба раза ездили их уговаривать командиры полков. А потом и целый батальон – дошёл до работ и отказался. Так и возвратили его в резерв.

Если у войны была (вообще бывает?) душа – то она отлетела.

Ну и пусть. Ну и лучше.

Именно – к лучшему, может быть, это всё и происходит? Это общее тяготение к миру – разве оно не есть стремление к добру?

Бог посылает – расстаться с войной.

Но если душа отлетела от войны – то и не в революцию она вселилась. В три дня Саня насытился газетным революционным чтением – и стало ему скучно-прескучно. Всё писали о грандиозности событий – но не видел он в том никакой грандиозности, а обезумелую суету. Всё это огромное, непроворотливое, мутное – на сколько ещё времени?

Интересно, что Котя? Саня написал ему письмо, но встречного не было. Теперь он – чуть подальше, легко не съездишь.

Косо прислонясь к бронзовой сосне плечом, и головой к ней, а лицом жмурясь к солнцу, Саня стоял как подпорка ствола.

Такая подпорка зовётся *пасынок*.

А он хотел быть – сыном. Этого леса, этой весны, всего голубовато-солнечного огляда.

Он хотел вернуться в ту жизнь, какую знал раньше, когда совсем нет войны, и никакого ей оправдания.

Хотелось – этого мира! Размышлений. Уединения.

Чуть-чуть вот отъединись – и греет солнышко, попискивают клесты, и с дыхательным шорохом оседает отяжелевший снег.

Ясная тишина – и царствует над ней тайна Божья.

И хочется подняться к ней и влиться в неё как в самое своеобразное.

Подняться к ней – как это сказано: от земного изгнания.

Что это? Предчувствие, что скоро убьют?

Нет, чувство такое светлое, не вяжется со смертью.

Голубизна неба – ещё несмелая, несплошная.

Вся глубина и яркость его – впереди.

* * *

Ты воспой, воспой, жаворо́ночек,
Сидючи́ весной на проталинке.

538

(по социалистическим газетам, 8—10 марта)

АРЕСТ НИКОЛАЯ II ...считаясь с явно выраженной волей революционного народа, Исполнительный Комитет признал пагубным для

дела русской революции как оставление Николая II на свободе, так и выезд его за границу...

Подробности ареста царя... В пути царского поезда к комиссарам Государственной Думы являлись с денежными пожертвованиями для жертв революции – всего 380 руб. 50 коп. – делегаты поездного состава, от кухонной прислуги и от дворцовой полиции. Делегат последней заявил: «Так же честно, как мы служили старому порядку, мы будем служить и новому правительству».

РАССТРЕЛЯТЬ? ...телеграмма Н.Н.Романова, который, неизвестно по какому праву, продолжает именовать себя Николаем Николаевичем... Озабочен не осуществлением свободы, но поддержанием дисциплины... не отстаёт и начальник штаба Алексеев... Такие господа не свободу дадут, а военно-полевые суды, виселицы и расстрелы. Чего же смотрят Гучков и кн. Львов? Неужели они думают, что у Романова и Алексеева не найдётся верёвки и для них?

...Страна нуждается в мире, кто не понимает этого – тот враг народа. Мы желаем думать, что Временное правительство – не враги народа.
(«Рабочая газета»)

...Временное правительство – целиком из представителей буржуазии и землевладельцев. Таким образом, рабочие, разгромив монархию, добровольно сдали власть привилегированным классам. Это небывалая революционная скромность. Революция есть прежде всего захват политической власти. Это так легко было сделать, а рабочие упустили.

Резолюция на митинге солдат и рабочих 8 марта, 1000 человек. Это Временное правительство не является выразителем... Недопустимо давать ему власть над восставшей страной... Совет Рабочих Депутатов должен немедленно устранить это Временное правительство либеральной буржуазии.

...Московский СРД постановил: требовать от владельцев предприятий вознаграждения рабочим с 28 февраля по 6 марта...

...будем выбатывать оружие для революционной армии, но оставляем за собой право в любой момент возобновить беспощадную забастовку...

...Решено к работам не приступать, объявить бойкот... Должны уплатить за прогульные дни революции!

Норма потребления хлеба уменьшена до одного фунта для лиц интеллигентных профессий и до одного с четвертью для занимающихся физическим трудом.

...Слой мелкой торговой буржуазии (лавочники, сфера услуги) совершенно не нужен экономически и вреден политически...

Шлиссельбургская крепость горит четвёртый день.

Слушатели и слушательницы зубо врачебных школ! ...
Единственная форма свободной борьбы пролетариата за лучшее социалистическое будущее...

Общество студентов и курсисток мусульман... Глубокоуважаемый Александр Фёдорович! Вам, почётному члену наших организаций, шлём горячее слово приветов...

...Товарищам марксистам-грузинам предлагают собраться для совещания о текущем моменте.

Товарищи часовщики! Мы переживаем величайший момент в нашей истории. Собираемся в театре «Ренессанс» и обсудим..

Вниманию рабочих булочно-кондитерского, калачно-макаронного и хлебо-бараночного производства! Цепи, сковавшие наши руки, пали. С сознанием своего могущества приступим к созданию...

...высказаться по поводу всероссийского съезда **портных** в ближайшее время.

МИТИНГ ШВЕЙЦАРОВ. Говорили о политическом моменте и о тяжком положении швейцаров, дворовых и ресторанных..

Слуги реакции не сдаются... в Богородицке... в Рогачёве... Эти попытки должны быть подавлены на всём пространстве России с решительностью, достойной великой революции. Нельзя дать им опомниться от первого шквала революции! Ядовитую змею надо раздавить немедленно!
(«Рабочая газета»)

Временное правительство торопится закрепить армию приведением её к присяге – не свободе, а Временному правительству. А если Временное правительство захочет оказать вооружённое давление на Учредительное Собрание? пожелает разогнать Совет Рабочих Депутатов? Опубликованный текст присяги – преступное покушение на права народа. **Свобода в опасности!**

Заём «свободы» – или заём порабощения? Новый министр финансов сообщил о новом грандиозном займе на нужды кровавой бойни... Одной России война в день обходится 50 миллионов рублей. Ни одной копейки не даст пролетариат, но сильнее подымет голос!..

ЖЕЛЕЗНЫЙ ФОНД «ПРАВДЫ». Недостаточно только записаться в партию и получить членский билет... Надо поставить себя на службу своей партии... Неумоимо вербовать... собирать пожертвования...

...206-я годовщина кнута бойства и злодейств дома Романовых: 5 марта 1711 г. Пётр I пристегнул эпитет «императорский»... Университет, Академии, учёные общества, театры – откажемся от этого позорного титула!

...Женщина-работница, спавшая непробудным сном столько долгих лет, в полном подчинении мужчине, проснулась! Вставай, русская работница! Подбирай ключи от счастья женского, отпирай замки!

ТОВАРИЩИ СОЛДАТЫ! ...из главной кассы Управления Николаевской железной дороги... Прошу товарищей солдат сообщить, куда доставлены народные деньги, или вернуть их в главную бухгалтерию... Каждая народная копейка должна быть на учёте..

Товарищи писаря... приглашаются в столовую Главного Штаба для совещания об организации своего Центрального Комитета..

...Общее собрание лазаретных, связанное с переживаемым моментом. Отсутствующих из лазарета просят известить по телефону...

К товарищам трактирного промысла. Позорное самодержавие Николая Второго рухнуло. Переживаемый момент обязывает нас, «пролетариев зелёной вывески», приступить к организации наших распылённых сил... Соединиться с товарищами поварами... Обращаемся к Совету Рабочих депутатов, чтоб он зорко следил за Временным правительством, почти исключительно состоящим из консервативно-буржуазных слоев с явно монархическими тенденциями... И установить во всех трактирах, ресторанах, кафе и шантанах – 8-часовой рабочий день.

Потерявшийся мальчик **Николай Ионов** находится у солдата 4-й роты на Фонтанке... Просят родителей явиться за ним.

539

На ИК. Вопрос о печати. – Вызвать Корнилова! – Торжество 8-часового дня. – Приехал генерал Корнилов.

Изо дня в день перекладывали вопрос о печати: дозволить ли выходить всей печати без ограничения или правые газеты запретить? Но уже нельзя было оттягивать, просители не уходили из приёмной, надо было что-то постановить. Большинство ИК соглашалось, что разрешать все газеты без разбора – вредно. Но и разбор всё время производить – хлопотно. Да и действительно как-то неудобно стеснять свободу печати, упрекали свои же некоторые социалисты. И решили – все допустить, ладно. Но – зорко следить, что они там печатают.

Вопрос безпрепятственной печати сразу связывался с опасностями провинции. Революция не могла спокойно развиваться, не уверенная в провинции, – а провинция всё ещё клубилась тёмной невыясненной тучей: в любом углу можно было ожидать сгущения контрреволюционных сил и взрыва их. Появление правых газет могло бы этому способствовать. Петроградский Совет обязан немедленно установить надо всей провинцией властный, жёсткий контроль. Но для этого и созданная иногородняя комиссия ИК оказалась неудачно составлена: один Александрович там был несомненного дела и готов был хоть сейчас ехать с револьвером и бомбами расширять революцию. А Рафес – столичный житель, привыкший к журналам, статьям, – никак никуда он ехать не собирался, да даже и мыслями вникнуть не мог в дела этих несчётных губернских и уездных городов. А уж тем более – Гиммер: он не желал опуститься с уровня международного до провинциального и быть, и дать себя

считать кем-нибудь иным, кроме как теоретиком, направляющим всю революцию. Он уже несколько дней бродил с рассеянно-отсутствующим выражением, держа в руках стёртые в сгибах листы с проектом нового порученного ему Манифеста к Народам. И кто к нему на ходу обращался – он совал рецензировать свой документ. А на заседаниях, утонув в углу турецкого дивана, продолжал его править.

Другая же опасность росла в самом Петрограде – и это не было уступчивое Временное правительство, но – командующий Петроградским Военным округом Корнилов. За первые же три дня с его назначения тут начали на него поступать жалобы: он не выполнял всех требований Исполнительного Комитета, не снимал с должностей подозрительных офицеров, скрывал свои действия от посланного к нему советского представителя, пытался в полках ломать солдатскую самостоятельность и насаждать прежнюю царскую дисциплину. А ещё и появилась в газетах заметка, что в корпусе его на фронте солдаты продолжают петь на поверках «Боже, царя храни».

И – пронзён был Исполком острым подозрением, что буржуазия его обманула: пока притворяясь сговорчивой, сама поставила на Петроград чёрного генерала, чтобы подготовить реакцию и переворот. Угроза была слишком близка и опасна, надо было разглядеть этого генерала получше и поговорить с ним начистоту. (Нахамкис и Александрович требовали: снять генерала безо всяких с ним разговоров.)

Кого же послать на разведку? Правильно было – из Военной комиссии, чтобы сколько-нибудь дело понимал, но и – нельзя было никакого офицера генерального штаба, потому что такая же дворянская кость и каста, такой же заговорщик. И сошлись – на кандидатуре Ободовского.

Странный был этот Ободовский: несомненно левый – но ни к какой партии не мог быть отнесен. Инженер – а толкся среди военных. И вот, послать на политическую разведку – так лучше его и не придумали. И вчера – послали, он имел переговоры с Корниловым. А сегодня, сейчас – на Исполнительном Комитете слушали посланца.

Ободовский говорил поспешно и так убеждённо, что не хотелось сразу ему и уступить. По его высокому нервному лицу гонялись морщины, он хлопал по лбу ладонью, как будто бил на себе мух, и подвижно оборачивался на возраженья, ещё более подвижными глазами успевая вперёд. Тридцать человек сидело в Исполнительном Комитете – он как будто каждого отдельно убеждал.

Вот в чём удостоверился Ободовский: кандидатура Корнилова выбрана исключительно удачно. Он настоящий воин, подлинный представитель фронта – карпатский герой, для солдат нельзя было выбрать более авторитетного, они его восторженно встретили в Совете, и офицерство сплошь за него. Корнилов совсем не противопоставляет себя Исполнительному Комитету – и хочет сохранить с ним контакт. Он даже сам предложил, что будет только тех лиц утверждать к занятию должностей, которых предварительно одобрит Военная комиссия. Он обещал не смещать командиров, избранных солдатами, и напротив – смещать тех, кто подозревается во враждебном отношении к революции. Все передвижения войск готов согласовывать с Исполнительным Комитетом. Ободовский долго с ним говорил и просит членов Исполкома ему поверить: Корнилов вполне трезво усвоил истинное положение дел в Петрограде, реальное соотношение сил, – и может, и должен быть оставлен командующим Округа.

Вывод докладчика оказался неожидан, фигура Корнилова уже почти решена была к снятию, оставалось только передать требование Временному правительству. Но если так?... А вызвать генерала сейчас сюда! вот прямо сегодня, на заседание к нам?! Посмотрим на него и сами убедимся. И факт, что он явится, тоже будет ему уроком подчинения.

Ободовский пошёл телефониловать.

Тем временем одни переходили к закусочному столу, не нарушая заседания, другие продолжали обсуждать текущие дела, которых был большой список.

Надо было послать приветствие товарищу Мерингу, в ответ на его приветствие. Одобрив. (Станкевич спросил у соседа шёпотом, кто такой Меринг, и очень уронил себя. Ну и набрали членов, – да вождь немецкой левой социал-демократии и биограф Маркса!)

Надо было... Да, вот... Стали клеветать на Исполнительный Комитет, что он неизвестно из кого составлен, что в нём заседают какие-то анонимы, неведомо кто такие, откуда взялись. А сами хватились – и правда: в журнале секретаря не было всех точных адресов, и даже не все истинные имена членов были известны другим товарищам.

И теперь Чхеидзе предложил, чтобы все немедленно сообщили Капелинскому свои подлинные имена и адреса.

Нахамкис рассердился: что же, мы подчиняемся самодержавной идеологии? Это при самодержавии нельзя было отлипнуть от своей фамилии – но и то, например, за ним установился и признавался его псевдоним Ю. Стеклов, – а теперь он должен отказаться от своего славного революционного прошлого?

Чхеидзе разводил руками: не отказаться, но общественность требует всё шире, ничего не поделаешь.

Станкевич, новичок здесь, заметил, как многие смутились. Но ведь не было теперь прямой опасности открывать свои имена. Так оттого, что, оглядываясь, тут слишком много инородцев, – несоразмерно их численности и в Петрограде и в стране? Но это и следствие грехов старого режима, который насильственно отметал инородческие элементы в левые партии. А не больше ли виноваты сами русские, что их тут нет, что они не нашли инициативы сюда пробиться?

Тут началось картинное, с актёрским изображением, сообщение Масловского, как он вчера устроил проверку царю. Смеялись. И сам Масловский понравился Исполкому: вот, при таком скромном виде, а какой великолепный революционный взмах оказался в товарище.

А Соколов будоражил дальше: итак, Исполнительному Комитету удалось вчера пресечь опаснейший заговор контрреволюции – похищение царя. Но об этом нигде не опубликовано, а – надо! Для авторитета Исполнительного Комитета очень выгодно показать, как мы реально контролируем правительство, в революционных массах возрастёт к нам доверие и уважение. И просил Соколов поручить ему сегодня вечером на пленуме Совета депутатов выступить с полным изложением вчерашней операции. (Уже не помещаясь в думском зале, сегодня первый раз собирали Совет в Михайловском театре.)

Соколов – как зуда: он когда чего-нибудь добивается, то никому уже покою не даст, даже всему Исполкому. Согласились: пусть – объявим; пусть – Соколов.

Но тут – с силой распахнулась дверь и решительно вошли, на ходу размахивая руками, – Гвоздев и Панков. Отчего они так, откуда? – не все сразу вспомнили: были на переговорах с фабрикантами. И вот...

Гвоздев – подошёл к общему столу, не садясь. Выпятил лоб с выражением недоуменно-радостным и потряхивал рукой, как в пожатии:

– Так что, товарищи, – договор заключён! Питерские фабриканты отступили по всей линии. Согласны на восьмичасовой!

Что поднялось! Вскрикивали с мест, аплодировали, кричали «ура». Едва начали переговоры – и сразу 8-часовой! – и никаких хлопот Исполнительному Комитету! Да этого нельзя было представить! Десятилетиями боролся пролетариат, мечтать не смел – и вдруг, одним ударом!

А-а-а, напуганы буржуи, толстосумы!

Надо и дальше из них выжимать!

Но – наша, наша сила какова?! Кто мы есть, а?!

Так позвольте, товарищи, так если фабриканты уступили – теперь надо договориться с правительством о заводах казённых, и с городом – о городских. Невозможно же одним восьмичасовой, другим прежний.

И пусть издают указ – по всей России! Не один Петроград! Победа должна быть всеобщая!

Вошёл Ободовский – и обнимал Кузьму.

Исполком не узнавал сам себя, многие так и стояли на ногах. Что ж мы за сила, а? Перед нами расступись!

– Корнилов – едет! – доложил Ободовский.

Ага-а! Ну, и судьба Корнилова тем более на волоске, если он сейчас только чуть-чуть...

Нахамкис крупно выступил вперёд и стал укладывать тяжеловесно:

– Товарищи, сейчас – не поддайтесь доверию. Помните, что перед нами – генерал старой закваски, царский пёс. Он конечно хочет революцию не только на этом закончить, но – повести вспять. Ни одного нашего требования – не уступайте! Вывод гарнизона – ни одной части! Все наши распоряжения по петроградскому гарнизону – безоговорочны! А какие реформы обещаны в Действующей армии – пусть делают, да поскорей.

После него резко выступил Эдуард Соколовский. Демократические реформы в армии только тогда станут возможны, когда будут назначены военачальники, подходящие для народа. Ни один сейчас главнокомандующий фронтом, ни один командующий армией – не подходящий для народа, и Корнилов тоже неподходящий.

В защиту Корнилова никто не говорил, но стали всё же высказывать: а займём пока по отношению к нему выжидательную позицию? Подождём и посмотрим. Ведь он на посту – только несколько дней, посмотрим.

Скобелев говорил: нет и нет, слишком много против него подозрений.

Большевик Красиков предложил: вот мы его как проверим – требовать для всего петроградского гарнизона выборное начало. Хотя бы низшие офицерские должности чтобы были выборные. И посмотрим, как он отреагирует.

Этой глупости не мог Станкевич слушать. Эти большевики подступали уже комом к горлу. Ведь среди них ни одного военного, а громче всех рассуждают о войне и об армии. Как вожак их Шляпников с очумелыми крайними лозунгами, как этот Красиков и эти два жёлчных злых адвоката – толстый Козловский с лицом как жирная задница, и длинный, сухой, угрюмый Стучка. Среди всех большевиков тут поражал один Залуцкий, питерский рабочий, – мягкий, печальный и так озабоченный, будто кто-то из близких его долго и безнадежно болен. Однако же и он голосовал заодно с остальными. Станкевич ещё молчал, привыкал тут, а придётся с ними столкнуться.

Пока Корнилов не ехал – объявили перерыв.

И в этом разброде – он явился, в сопровождении нескольких офицеров.

Нет, вид у него был – никак не царского генерала и не петербургского. Не взнесенный, не отблещенный, не вскручеусый, никак не белокостный барин, – а скромный, тихий, – как фельдфебель, почему-то бы вдруг произведенный в генеральский чин. Да даже и не немецкий и не великоросский вид, так наполняющий офицерство, – а смуглый, калмыковатый.

И этим видом своим и тихим рокотом голоса Корнилов сразу обезоружил почти всех членов Исполкома.

Стал подряд со всеми здороваться за руку, поглядывая внимательно на каждого. А затем и сел на первый попавшийся стул, боком к столу, – и вокруг него рассаживались члены ИК где кому придётся, уже не в виде заседания.

Свита генерала стояла поодаль, а из других советских комнат и из Военной комиссии тоже стали собираться, любопытствуя. Сразу набилось, нажалось к стенам, целая толпа. А кто и курил, дым висел. Но разговаривали с Корниловым только те несколько, кто сели про-

тив него (ни Чхеидзе, ни Скобелев туда и не попали, не попал и Станкевич, единственный офицер в Исполкоме). Разговор получился запросто, беседный.

И совсем просто, ещё специально не допрошенный, Корнилов сам спокойно сказал, что он хотел бы работать в согласии с Исполнительным Комитетом. Что сам – очень нуждается в помощи Исполнительного Комитета, для того чтобы восстановить в войсках дисциплину, сплочённость и единую волю к победе.

Ну, не так сразу и просто.

– Но признаёте ли вы революцию? – допрашивал его Козловский.

Да, конечно.

Тут же Соколовский:

– Но готовы ли вы защищать её от всякого нападения?

Да, конечно.

А каким он нашёл гарнизон?

Не стал восхвалять революционность гарнизона, но и не бранил, а сказал, что надеется – всё может постепенно направиться, если терпеливо отнестись.

Очень выгодное впечатление он производил, члены Исполкома стали успокаиваться.

Однако Гиммер, тоже из любопытства поспешивший к Корнилову поближе, свои бумаги засунув в нагрудный карман пиджака, поверить не мог, чтобы царский генерал так простодушно относился к революции. Слушал он его простоватый голос – не верил, смотрел на его солдатское лицо – нет, это – лукавое было лицо, а глаза не внимательные, а – насмешливые, с огоньком насмешки! Он насмеялся над ними всеми тут!

И как только вообразил, что это всё – сплошь насмешка, – страшная представилась ему картина, потопление революции в крови, снова Галифе! И решил Гиммер сейчас срезать Корнилова и разоблачить.

– А скажите, господин генерал, – прокричал он, нагибаясь вперёд через плечи сидящих. – (Станкевич заметил некоторое изумление генерала и подсаживал: как назло перед ним подобрались даже карикатурные лица, и как раз ни одного русского, – вот и будет судить об ИК.) – Уже несколько дней буржуазная пресса ведёт игру на немцах – что добытая свобода может погибнуть от Вильгельма. И даже что наступление начнётся прямо на Петроград, и даже уже собирается кулак. Что вы об этом думаете, господин генерал?

Корнилов прищурился-прищурился, и в этой мине нельзя было разобрать, то ли он сам этой буржуазной лжи стыдится, то ли не выдерживает пронзительных взглядов допросчиков.

– Конечно, – сказал он тихо, – если дисциплина пошатнётся – может ослабнуть и наше сопротивление.

Гиммер не удовлетворился, он хотел прямого отказа: – Но, генерал! Но где основания для паники? Распутица, бездорожье, от фронта до Петрограда – семьсот вёрст?

Он мог бы и ещё аргументировать, да это было бы бесполезно: попробовать стать на точку зрения Гинденбурга: неужели немцам *нужно* наступать? неужели им не кажется самым удобным то, что сейчас у нас происходит?

ДОКУМЕНТЫ – 21

Берн, 10 марта

ГЕРМАНСКИЙ ПОСОЛ РОМБЕРГ —

В МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ, Берлин

Шифровано. Совершенно секретно.

Выдающиеся здешние революционеры имеют желание возвратиться в Россию через Германию, так как боятся ехать через Францию – из-за подводных лодок.

Берлин, 10 марта

СТАТС-СЕКРЕТАРЬ М.И.Д. ЦИММЕРМАН —

В СТАВКУ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ

Так как в наших интересах, чтобы в России взяло верх влияние радикального крыла революционеров, мне кажется уместным разрешить им проезд.

540

***Корнилов после встречи с ИК. –
Интервью «Биржевым ведомостям».***

Когда над Лавром Корниловым грянуло назначение на Петроградский военный округ, то в двое суток пути, помимо смущения, уже испытал он в себе разворот кругозора для нового поля. Хоть совсем неожиданно свергли царя – но непоправимого Корнилов в этом ещё не видел. Правда, и Гурко предупреждал, какие ждут его в Петербурге горланы и пустоболты. И в Ставке Алексеев предупреждал, что в Петрограде – зараза, и не слишком надо доверять новым властям. Но и вступая в должность, Корнилов в приказе ещё без сомнения подписал, как ему составили в штабе: теперь только сплочение, дисциплина, твёрдость – и победа решена!

Но дальше с первых же часов он увидел, что если и сохранялся тут оплот, то только военные училища, да ещё, пожалуй, артиллерия и казаки. Остальной же гарнизон обнаружился в омерзении. В запасных батальонах все учения прекращены, и необученные солдаты

в возбуждённой праздности гудят о свободе. И унять их некому. Унтер-офицерский состав здесь слаб и тоже распушен революционными днями. А офицеры, и прежде недостаточные по штату и временные, без устойчивых связей с солдатами, теперь частью разогнаны, частью в растерянности, некоторые на положении выборных, во главе рот – прапорщики, и Корнилов не мог отменить выборных и вернуть назначенных. И выместить агитаторов из казарм невозможно из-за комитетов – как гнилое бревно, всажённое в каждый батальон. А очиститься от комитетов – тут в Петрограде нет сил ни у кого, это Корнилов понял быстро.

Корнилов был поставлен правительством – но само правительство и военный министр боялись каждого шороха и действовать не смели.

Ну что ж, попал к ним как заложник от честного фронта. Ушица вместе, а рыбка пополам.

Затем была какая-то Военная комиссия, существовавшая вне всяких штатов и уставов, ничего полезного она делать не могла, и единственно правильное было – её разогнать, но и этого Корнилов не мог, она связана была с Советом рабочих депутатов и опять же с военным министром.

Скрепить офицерство, поднять его дух? Офицеры и сами пытались, но жалкое то было зрелище. В Доме Армии и Флота они собирали свой тоже Совет – офицерских депутатов, уравновесить солдатских депутатов, – и вчера вечером Корнилов посещал их собрание и выступал там: что возврата к прошлому не будет, вот арестована царская фамилия. (Про себя – неприятно.) И оценил, что ничего весомого из Совета напуганных офицеров не выйдет.

Генерал Корнилов не мог действовать в Петрограде так, как хотел, пока не будет иметь здесь собственную военную силу, верные крепкие, не запасные, части. Но такие части можно привести только со стороны, – а это теперь не позволит Совет рабочих депутатов. И какие-то части взамен из Петрограда вывести – тем более мешает Совет депутатов.

Да что там! Совет депутатов на второй же день прислал командующему Округом указание, что он должен сменить своего помощника, генерала! Именно этот помощник ему и не нужен был, – но какова же наглость Совета? Как же в таких условиях командовать?

А вчера для переговоров от Совета пришёл к Корнилову горячий поляк, инженер, правда понятливый. Он так прямо и говорил: вся сила – у Совета. И этого не оспоришь. И был вынужден Корнилов обещать покорность, позорную для командующего: что все утверждения в должностях он будет проводить через Военную комиссию.

А сегодня эта самочинная лавочка Исполкома прямо вызвала командующего к себе на заседание! И хотел бы Корнилов вгоряче послать их к чёртовой матери, но понимал, что нельзя. Чтобы вытащить из грязи разваленную колыхающую гарнизона – надо было ни разу не выйти из себя. И он, не откладывая, сразу же и поехал на это новое испытание и унижение.

Никаких там хмуроватых рабочих не увидел, а всё белоручки, все с выражениями значащими, а то и заносчивыми. И поражало – что почти вовсе не было русских. А когда сели – то прямо перед ним оказались какие-то резко наскочливые наглецы. И почему же именно они – управляют?

Метали – «конъюнктуру», «плутократию», «империализм». А патриотизм называли – иезуитским понятием.

Эге-е, на вашу тонкость да не нашу простоту! Толковать им тут о всеобщем единении было бы бесполезно. А о чём тогда другом?

И, скрывая своё недоверие, а ещё больше свою сердитость, Корнилов поглядывал из глазных щёлок на собеседников, обсевших его, и, притворяясь попроще, мурчал им о восстановлении внутриармейского единства.

Теперь-то он понял, что представитель Совета, два дня как прикомандированный к штабу Округа, не именно сам по себе был прощелыга, и присылаемые от Совета бумажки,

кого снять и кого назначить, не случайно были сволочные. Просто весь спёртый дух в этой комнате ничего общего не имел с воюющей армией.

Да всё вчерашнее безобразие в Царском Селе, насилие над начальником гарнизона, разврат караула, проверка царя, – разве не этими типами, вот отсюда, было затеяно? Да не здесь ли и этот мерзавец, который вчера туда ездил проверять царя? Не теснится ли тут за плечами, высматривая теперь лицо генерала? По-настоящему, уважающий службу военный человек должен был бы сейчас потребовать от них наказания этого мерзавца – и только потом допустить себя к разговорам. Но не Корнилов, а Временное правительство так поставило, что опутаны были липким руки-ноги генерала. А оставалось сужать глаза терпеливыми щёлками и простодушно заявлять себя сторонником революции и что это честь для него – командовать революционным гарнизоном.

Распущенной бандой.

Но и правда, по вине же Временного правительства попадал генерал в глупое положение с немецкой угрозой: правительство, Гучков, как пугая детей, распечатали, что немцы готовят кулак на Петроград, а Корнилов не мог же вслух признать, что правительство врёт, плетёт, теперь как-то надо было поддерживать, – и подвергнуться тут наскоку с завизгом, а справедливому. И бормотать в ответ непонятное.

На обратном пути из Таврического, просто по дороге, Корнилов заехал на Кирочной в казарму. Ещё не знал точно, чья это казарма, лучше б не заезжал: жандармского дивизиона.

Безоружные, перепуганные, измученные жандармы были выстроены перед ним – и жандармский оркестр играл уже разученную марсельезу.

Так и стало в ушах надолго.

А сам Корнилов не так же? – принял в штабе развязного корреспондента «Биржевых ведомостей». И, уже привыкая к сетям здешней петроградской беспомощности, он, боевой генерал, должен был опять нести чушь: что произошедший переворот – верный залог нашей победы, в тылу – и есть самая важная победа, теперь осталось победить только на фронте. И что только Свободная Россия может выйти победительницей из такой войны. И приветствовать гучковскую реформу армии, во время войны, – мол, действительно назрела и неблагоприятно излишне отягощать солдат дисциплиной.

Уж там – что он сказал, а корреспондент что ещё приписал? Корнилов всё это выговаривал, как бы морщась внутри черепа. Его ум по непривычке всё не справлялся: зачем этот вздор нужно повторять?

Но так сложилось в Петрограде, что, только повторяя вздор, можно было надеяться сделать какое-то и дело.

541

Приезд в. кн. Николая Николаевича в Ставку. – Принимает дела.

До чего же могут замотать политики простого честного генерала! Избирая военную карьеру и потом служа сорок лет, никогда Алексеев не готовился попасть так нечисто. Как бы холодная грязь и муть обволокли и тело и сердце за последние дни – и уже как о чудесном времени вспоминал он о тех месяцах, когда не нарушало ему службы ничто, кроме болезни. Уж как он бывал и был в службу воткнут – и болезнь не могла его отклонить от исполнения долга, полными часами дней и вечеров сидел и читал, и вникал, и писал, и рассматривал, – а вот нашли такие дни, что и самая простая работа валится из рук, не разделяемая рассеянной душой.

Немало далось ему усилие скрывать от Государя подготавливаемый арест и запретить его прощальный приказ. Но невозможно служить двум господам, и уже избрал Алексеев за себя и за всю российскую армию – служить Временному правительству. Однако ещё третий и сильный хозяин – Совет рабочих депутатов, ударил палкой по голове, а Временное правительство не спешило защитить Алексеева. И в этом-то ударенном состоянии – и ощущении, что обманули его самого, – досталось Алексееву вчера проводить в Ставке присягу Временному правительству, присягать самому и пригласить к присяге вместе со всеми ставочными офицерами также и двух-трёх великих князей, состоящих тут. А затем давать телеграмму правительству: сего числа все чины могилёвского гарнизона и штаба принесли присягу на верность... твёрдо верую, что новое правительство с помощью Божьей внесёт успокоение стране...

А из Петрограда навстречу – пьяные телеграммы Совета депутатов: арестовать уже арестованного царя!

И за всем тем как-то отступил ещё один подготавливаемый обман: великого князя Николая Николаевича. Ведь он-то тем временем ехал, приближался к Ставке! Шли четвёртые сутки от решения Временного правительства отставить великого князя – и почему же никаким способом по дороге за все эти сутки не могли сами известить его, остановить? Будто бы посылали распоряжение в Ростов-на-Дону, а там упустили великокняжеский поезд, может ли это быть? Единственный путь через Ростов. Будто бы посылали потом офицера с письмом от правительства – но и этот офицер разминутся с великим князем.

Ещё знал Алексеев от английского генерала Хенбри Вильямса, представителя при Ставке, что уже и его привлёк посол Бьюкенен, и его тоже втайне подготовили убеждать великого князя подать в отставку, – так опасались министры упорства князя, что прибегли и к послу.

И вот – знали в Ставке теперь они двое с Вильямсом да Лукомский с Клембовским. Но – молчали...

Как просил Алексеев Гучкова и Львова приехать в Ставку самим объявить решение великому князю! или прислать сюда письмо! Нет, они хотели и эту неблагодарную работу выполнить руками Алексеева, пусть показывает ленту телеграфного разговора.

Но кроме этой ленты десятки и десятки приветственных телеграмм от армий, корпусов, крупных городов лежали и ждали приезда князя, – и что-то же они весили! И пожалуй, не меньше той ленты. И до сегодняшнего мига Алексееву было видно, что отрешение великого князя – безумный акт, противоречит интересам армии и страны. И как же они в Пятнадцатом году все сплошь хором, эти же самые, негодовали на отставку Николая Николаевича, как буйно доказывали, что только он один и может быть Верховным, – и вот?.. И Армия же, правда, хотела великого князя. И всё переобъявить должен был почему-то Алексеев, вопреки своим убеждениям.

Ответил Львову: категорически нет! Пусть шлют письмо.

Был момент: обещали прислать с отрешением Поливанова. (В Пятнадцатом году с тем же самым присылал его и Царь.) Нет, отменили.

А между тем, вот, сегодня, в четыре часа пополудни, Николай Николаевич приезжал в Могилёв!

А письма из Петрограда, ни какого-либо объяснения так и не пришло.

Вот приезжал Николай Николаевич – и неотвратимо было сегодня встречать его, и разговаривать с ним, и делать полный вид вступления в Главнокомандование? – опять мучаясь обманом и в тоске ожидая, как бы это решилось помимо наштаверха.

Встречать? Но, зная, что великого князя через несколько часов отрешат от должности, – нельзя же было встречать его на вокзале полным составом штаба! Но и: пока он оставался у должности, нельзя было и не встретить его почётно.

Эту безвыходность Алексеев разрешил так: набрал для встречи несколько генералов не у дел, оказавшихся в Могилёве даже и случайно. Конечно и Лукомский с Клембовским. И так получилась вполне почётная встреча, и тёплая, и вместе с тем частная. Мог подумать Николай Николаевич, что Алексеев не хотел отрывать штабных от работы.

Так ли понял великий князь или просто был в сверхвеликолепном настроении, но укор не промелькнул на его красивом долгом лице. Великодушие было в его первом окрестном взгляде на этот вокзал, полтора года назад покинутый при таких униженных обстоятельствах, и в рукопожатиях его длинной быстрой руки.

Он был в кавказской форме, при своём высоченном росте очень грозный в ней.

Да, он был в рост со своею армией и с долгою её линии фронта! Да, он был счастлив вернуться наконец на своё настоящее место, к своим настоящим обязанностям!

Не сам он, но князь Орлов, но адъютанты рассказывали встречавшим, что весь переезд от Тифлиса до Могилёва был сплошной овацией великому князю. На Дону казаки долго скакали вровень с поездом. В Харькове подносили хлеб-соль рабочие, даже совет депутатов.

Великий князь приехал командовать – с полномочиями, с надеждами и любовью всей России.

И как бы хорошо! И пусть бы!

В открытом автомобиле, рядом с Алексеевым, хозяйски поглядывал на Могилёв.

Приехали в здание генерал-квартирмейстерской части – сказал великий князь, что не желает даже отдохнуть с дороги. Не имеет необходимости осматривать и апартаменты свои в соседнем доме, после Государя, всё это устроится без него, – а он желает немедленно приступить к деятельности!

Надеялся Алексеев ещё несколько часов потянуть, а там приспеет отрешительное письмо, – нет, к деятельности!

Что ж, сказать самому? Невозможно, как через сердце собственное перевалиться. Будешь какой-то интриган, подсидчик. А великий князь так горячо, требовательно, пронизательно смотрит.

Ну что ж, если к деятельности, то сразу в государеву комнату, где Государю делались ежедневные доклады. (И так удержать великого князя от обхода всех помещений Ставки, что, кажется, с удовольствием он сейчас бы предпринял.)

А пришли в государеву комнату, где Государь бывал и тих, и невелик, – Николай Николаевич сильно задвигался, не помещался в кресле, обхаживая стол, откидывая венские стулья, устремлялся то к одной картовой стойке, то к другой, – выпирал из этого малого пространства.

Так начать с того, что подписать самоприказ о вступлении в должность Верховного? (Приходилось совершать невозвратимый шаг – но ведь и не слали же никого!) Бумага была уже заготовлена.

– Надо принести присягу Временному правительству, – нашёлся возразить Алексеев.

– О конечно! Завтра же утром!

Николай Николаевич сел в кресло, сильно кверху выдаваясь над столом, взял перо, длинноголовый, остроусый, энергичный, готовый к высоким тяготам.

Перепробовал несколько перьев.

Ещё что-нибудь изобрести в помеху? остановить? Ничего не придумаешь.

Сильными росчерками подписал.

Итак – Верховный.

Алексеев стоял рядом с ним – принять бумагу, и чувства его раздвоились. Досадовал он, что Временное правительство так мямлит, вот совершается лишнее действие, но ещё больше склонился: а – хорошо бы работать с великим князем. В себе не находил Алексеев грозной силы повелевать двенадцатью миллионами. А в великом князе она сгущалась. И –

какая! При такой всероссийской поддержке – да стукнуть бы ему сейчас кулаком по столу, да и не вздумать уходить!

Пожалуй, и не решилось бы правительство против него бороться.

Вот – эти поздравления, приветствия ото всей страны. Главные из них.

С открытым удовольствием стал Николай Николаевич читать, читать, предшествуя ими дело, – и ещё веселел и крепчал от них.

Мог Алексеев распорядиться ещё и другую пачку приветствий принести, обширней. Может быть, так и затянуть вечер? – тоже упустил, недогадливость сегодня какая-то. Ту пачку отдали уже адъютантам.

А Николай Николаевич встал, журавлиными шагами иссёк, иссёк комнату, – та-ак! Он – хотел бы немедленно работать! Может ли Михаил Васильич представить ему сейчас общим очерком положение дел в Европе и положение на всех фронтах?

К этому Алексеев был всегда готов: и все бумаги у него проработаны и подобраны, и в памяти полный след.

Да такой разговор и открывал пути искренности, освобождал от напряжённой двусмысленности: делать лишнее и каждую минуту ждать подноса петроградского письма – а что потом? А потом – великий князь не подумает ли, что Алексеев участвовал в обмане? Уж-жасно всё колется.

Итак, положение в Европе. Сперва – положение Центральных держав. Германия уже выкачала из своего народа все возрасты от 17 до 45, теперь Oberkommando требует ополчения до 60 лет, не исключая и женщин для работы в тылу. Тем не менее армии Антанты превосходят армии Центральных держав на 40 %. Рацион немецкого населения доведен до голода. Химики изобретают суррогаты для замены хлеба и жиров, изобрели для лошадей суррогат из соломы и древесины, наши части захватывали. И в Германии, и в Австрии – упадок народного духа, жажда мира. Подводная война, начатая немцами в январе, хотя и подрывает флот союзников, но не видно, чтобы могла его уничтожить. Зато она надвигает вступление в войну Соединённых Штатов, – и может оно произойти буквально на этих днях. Это, по сути, решает войну, положение Центральных становится безперспективно. Несколько дней назад, вот уже в первых числах марта, немцы, не вынужденные союзниками, внезапно отступили между Аррасом и Суассоном, на фронте в 100 вёрст и в глубину до 30, – это в местах, где так кроваво давалось им продвижение. Такое сокращение фронта – верное доказательство недостатка сил. Альтернативно можно было бы предположить переброску войск к нам на Восточный фронт – но ни по времени года, ни, особенно, по нашим революционным сотрясениям, не предполагает генерал Алексеев наступления немцев сейчас против нас.

Великий князь слушал не формально, остро смотрел карты, смотрел цифры, видно, очень соскучился по большому размаху. Эта манера отличалась от того доверчивого покоя, с которым всегда выслушивал доклады Государь. Происходила как бы действительно передача дел? Смешанная горечь: привык Алексеев все дела иметь в одних своих руках – но и заслониться великим князем от революции как бы хорошо?

Сейчас Россия удерживает 157 пехотных дивизий противника и 30 кавалерийских, что составляет 49 % его сил. Правда, германских дивизий из этого только половина. Ещё, как ты знаешь (они – на «ты»), одна наша дивизия послана к союзникам в Салоникскую армию, почти корпус – во Францию. Но и без Кавказского фронта у нас сейчас перевес и штыков, и батальонов, и сабель, – назвал крупные цифры. Артиллерийское снабжение к этой весне – выше всяких похвал. К марту уже изготовлено и на складах – 72 миллиона выстрелов, – вдвое больше, чем мы израсходовали за всю войну, до сих пор.

Да, никогда ещё за всю эту войну соотношение сил и перспективы не были столь обнадежливы и даже уверенно победоносны. Труд невидимых миллионов суммировался в конце

концов, и мускулатура огромной России проявляла своё превосходство над германской. Если бы – не революция...

- Сколько всего мобилизовано?
- За всю войну – четырнадцать миллионов триста.
- А сколько сейчас в Действующей, со всеми тылами?
- Шесть миллионов восемьсот.
- А в Петрограде сколько запасных?
- Сто шестьдесят тысяч.

Князь перестучал по столу крепкими длинными пальцами.

Но наш Северный фронт уже развращён близостью Петрограда и анархического Балтийского флота, который вообще потерял всякую боеспособность. Конечно, твой Кавказский хорошо удалён, но там свои беды, ты знаешь, нехватка железных дорог и даже полное бездорожье, безфуражье, – и что может дать продвижение там? Только тешить англичан в Месопотамии. На Румынском – вроде того же, и румыны не годны никуда. А вот Западный и Юго-Западный... Не видно путей и приёмов, как удержать от этой волны заразы...

– Я пытался издавать удерживающие приказы. Но не получил поддержки правительства. А газета Совета депутатов...

Даже больно говорить.

В Алексееве двоилось: то ли он правда передавал дела? – и тогда имело смысл жаловаться новому Верховному на правительство и на Совет. То ли ничего этого не будет, всё спектакль, – и тогда зачем же?..

А великий князь смотрел так светлоглазо, обещающе.

– Хорошо будем работать, Михаил Васильич. Ты конечно останешься на своём месте.

Передача дел – шла, и правила её требовали говорить обо всём. Перешли к Западному. К перспективности наступательного направления на Вильно и уязвимости направления Минск – Барановичи. Да и к Эверту же. Эверт, со всем его грозным воинственным видом, совсем размяк в новой обстановке, сел в галошу. Что исключительно удаётся ловкому Брусилову – льстить и обращаться с общественными комитетами, то Эверт не способен, и сам уже просится в отставку, и Гучков его как бы снял, хотя это не его прерогатива. Рузский ладит с Петроградом, а Эверт...

Непосильно было Николаю Николаевичу слишком долго слушать – и не вмешаться. Слишком не распрямлено было его остроуглое тело без движения, и уже тянуло его взмахнуть дланью:

– Эверта – снимаю немедленно! – И даже почти не думая: – На Западный фронт назначаю Гурко!

Ого! Далеко же зашла передача. Это верно, из командующих армиями теперь, после опыта в Ставке, Гурко – старший и первый. Но...?

– Заготовь приказ сейчас же, подпишу! – сказал великий князь, вставая из-за стола, на полную голову выше Алексеева.

И – что ж теперь? заготавливать приказ?..

Приходилось.

Заседание Временного правительства. – Готовить 8-часовой день на оборонных заводах. – И отмена национальных ограничений. – Шингарёв получает санкцию на хлебную монополию. – Текущее.

И опять пришли часы томительного ежедневного отсиживания на заседании правительства. Уже некоторые министры приловчились присылать вместо себя заместителей (уехавший Гучков был сегодня заменён двумя – сухопутным и морским), а Шингарёв не решался: и неудобно, и боялся что-то важное своё упустить провести. А свои горячие вопросы, которые ставишь на заседаниях, – они за одно заседание и не решаются обычно.

Сегодня он нёс – свой грандиозный, спорный и безжалостный замысел. Очень хотел бы с этого и заседание начать, потому что ничего важнее сейчас в России не видел. Но ему не дали.

Сперва сам князь Львов благодушно рассказывал о дальнейших мерах своих по сокращению министерства внутренних дел: департамент полиции, политический розыск, охранка, жандармский корпус – упраздняются в России навсегда! Это освобождает для государства значительные кредиты. Учреждается лишь временное управление по обеспечению безопасности граждан.

Затем, блистая как начищенный, именинником выступил Коновалов. Самое крупное событие произошло по ведомству его: сегодня петроградские заводчики согласились на 8-часовой рабочий день, хотя московские продолжают сильно возражать. Теперь честью Временного правительства будет – как можно скорей и самому подраиваться по 8-часовому дню: ввести его на всех оборонных заводах Петроградского района.

А здесь и состояло 70 % всей военной промышленности России. Но заместители Гучкова не возражали.

Подумал Шингарёв: не слишком ли смело во время войны? Ведь не станут давать достаточно оружия. Но что-то было видно тем заместителям Гучкова, чего другие не знали: согласны.

И Коновалов, своим пенсне сверкая во все стороны, так же именинно просил теперь уполномочить его министерство подготовить введение 8-часового дня и по всей России, и по всем группам предприятий.

Уполномочили.

Ну, а уж раз вклинился, он и тянул всё своё: отпустить кредиты на разработку бурых углей; отпустить кредиты на подвозку нефтяного топлива по Мариинской системе.

Уже многие министры поняли этот главный смысл правительственных заседаний: просить себе кредитов. А Шингарёв всё стеснялся.

И опять же Коновалов горячо произнёс небольшую речь, что и его министерство считает своим долгом помочь всеобщей тяге в нашей стране к снятию национальных и вероисповедных ограничений. Это сегодня невозможно сделать по отношению к германским и австрийским подданным, но несправедливо далее удерживать талантливую, предприимчивую и богатую еврейскую нацию от беспрепятственного образования акционерных обществ и занятия любых административных должностей в финансовых, торговых и промышленных предприятиях.

Насчёт немцев Шингарёв не был согласен: он сам внёс проект, и правительство склонилось к принятию, – об отмене ограничений в германском землепользовании: их имения и участки процветали, зачем подрывать? Но тогда – и почему же не допустить в промыш-

ленность столько талантливых техников – немцев по происхождению, но верных русских по подданству? Эта шумливая чистка от немецкого засилия все военные годы была картой правых кругов.

Керенский, всё время сидевший непоседливо, даже боком к столу, нервными движениями показывая, как ему некогда, и ни к чему здесь быть, и не этим ему заниматься, – тут вслушался, встрепнулся и, всех перебивая, воскликнул воодушевлённо, от глубокой души, от мечты: национальные и религиозные ограничения мы всё отменяем по крохам, в частных областях, – а что бы нам поспешить сформулировать универсальный закон об отмене всех этих ограничений сразу во всех областях жизни? Одним взмахом! Не поручит ли правительство министерству юстиции внести такой обобщающий проект?

И задумался, красиво держа голову, давая задуматься и всем.

Встретили одобрительно. Сразу и поручили.

Шингарёв порадовался. Он и всегда считал, что несправедливо сдерживать евреев какими бы то ни было ограничениями, в чём бы то ни было. Мы сами своею внутренней политикой толкаем их в непримиримость. Если мы хотим первенствовать, то просто мы сами должны проявиться талантливей, энергичней, настойчивей, последовательней, – а вот этой последовательности у нас всегда и не хватает.

И сразу тут же князь Львов дал слово Шингарёву.

Андрей Иванович уже забылся, забаяукался, не ожидал, вздрогнул. А ведь он – решался! А ведь он решился! – высказать сейчас коллегам свои отчаянные, еретические и жестокие выводы.

Сейчас он произнесёт слова, которые невозможны среди демократов. Он представлял, какое возмущение загорится, как накинута на него однопартийцы (никого из них он не предупредил!), а тем более Керенский.

Своим влажно-взволнованным голосом Шингарёв стал говорить – не кратко, сбиваясь, возвращаясь, то глядя в свои заметки с колонкою аргументов, то на коллег, взвешивая всю неслыханность, необычайность выговариваемого. Он искал, как же это подпереть: неизбежно нам предстоит перенять у Германии идею... нешуточная война требует и нешуточных мер... И министр земледелия не видит иного выхода, как...

Он воздвиг перед ними глыбы, под которыми они все тут сразу могли похорониться...

Безчеловечная хлебная развёрстка!

Насильственная реквизиция хлеба!

Весь хлеб России – собственность государства.

И – позорное поднятие цен на зерно.

Но он готов был выдержать любой натиск, потому что чувствовал за спиной – Россию.

Однако что это? Никто не выкрикивал возмущённо. Никто даже не пытался перебить или воскликнуть. А когда Шингарёв стал помётывать взглядом на своих кадетов – на твёрдые очки Милюкова, ироничные губы Набокова, угрюмо-подозрительного Некрасова, затем и на других, – он ни на одном лице не увидел ни сильного движения, ни удивления, ни пробуждения. Сидели так же ровно, скучно, полуусыпленно, как ничего не замечая.

Ещё не веря успеху, Шингарёв спешил оговориться, сбалансировать. Разумеется, на ту же Германию глядя, можно понять, что продовольственное снабжение не решается изолированно от всех других видов снабжения: железным инвентарём, кожами, тканями, керосином, всеми предметами широкого потребления. И всё это надо – одновременно. Но от этого только трудней. Значит, надо наложить жёсткий государственный контроль и на промышленность?..

Да он сам для себя ещё ничего не решил! Он и предлагал на их суждение. Он готов был и настаивать, и слушать, и исправляться.

Однако Милюков, уже не первое заседание: и присутствуя – как бы радужно отсутствовал, был так переполнен своими успехами во внешней политике, что не считал важным ещё вникать, что тут происходит кроме. Чего он чутко не спустил бы, не простил бы с думской скамьи, – то равнодушно пропускал сейчас.

А Набоков не был министром, и не спрашивали его мнения тут же.

А Мануйлов был по просвещению, и то едва не тонул.

Некрасов волчисто смотрел, но молчал, – то ли для себя выжидая, кто будет за что.

Очень грозно-значительно выглядел чёрный Владимир Львов, но не пошевелился.

И только Коновалов успел возразить, что для промышленности такой жестокий принцип принять – значит подорвать производство.

А кто друг с другом переписывался записочками.

И неожиданно для себя Шингарёв безо всякого боя получил санкцию на переворот всех хлебных отношений в России. С ласковой улыбкой резюмировал князь Львов, что, оставая пока в стороне промышленность, министру земледелия поручается разработать главные основания реформы о хлебной монополии.

Керенский – слышал ли о монополии? понял ли? – но рвался со своими срочными вопросами, звонко стал излагать их. Во-первых, необходимо оплачивать командировочные для петроградского окружного суда. Во-вторых, надо огласить в печати обнаруженные в департаменте полиции денежные расписки депутата Маркова-второго в получении денег из секретного правительственного фонда. В-третьих, как отнесётся Временное правительство к тому, что прежним судебным следствием некоторые финляндские граждане привлечены по обвинению в государственной измене. Хотя среди части финского населения и действительно распространены симпатии к немцам, но в этом виноваты мы сами. А было бы очень нетактично таким обвинением сейчас будоражить финляндское население. В-четвёртых, сообщается Временному правительству об уставе Чрезвычайной Следственной Комиссии и правах её производить осмотр и выемку корреспонденции.

Приняли к сведению. Согласились.

Какие-то подобные нужды были и у Некрасова, и он стал их уже выкладывать, когда министр юстиции вспомнил в-пятых: теперь, когда приносят присягу войска, неизбежно принести присягу и членам Временного правительства.

– Вот, – голос Керенского стал насмешлив до резкости, – Юридическое совещание предлагает форму присяги... Но тут много уступок традиционным формулам, не слишком ли это старомодно?... Обещаю и клянусь перед всемогущим Богом?... В исполнении сей моей клятвы да поможет мне Бог?... Да стоит ли нам-то...?

Помялись. Так-то так, но надо не оскорбить и слух народа.

– И потом, господа, наш спор ещё со дня отречения Михаила: как определять нам самих себя: правительство, возникшее волею народа – или по почину Государственной Думы?

Тут вступил Набоков и особенно просил, чтобы никто не оговаривался и не употреблял прежнего опозоренного названия «совет министров», но все бы употребляли только «Временное правительство».

Да, ещё же, самый важный вопрос! Исполнительный Комитет желает иметь постоянные контактные встречи с правительством. И значит, – оглядывал министров доброжелательный премьер, – надо нам выделить из своей среды кого-то, трёх-четырёх, постоянных делегатов на эти контакты.

Очень испугался Шингарёв, чтоб его не выбрали: тогда – безконечная говорильня, торговля, и всей работе гинуть.

Но его и не предлагали. Возглавил комиссию сам князь Львов. А следующий так же естественно предполагался Керенский, – но он стал резко отказываться, мотать головой, что как раз именно ему совершенно неудобно – противостоять товарищам по левым партиям.

Признали, уважили его нежелание.

Думали – Милюкова, но он ледяно отказался. Ему такая роль виделась унижительной.

А Некрасов и Терещенко, напротив, сами выдвинулись, очень хотели. Их и выбрали.

У Милюкова вот такая забота: Палеолог задумал дать банкет в честь полного состава Временного правительства. Это, конечно, мило и приятно – но какие это вызовет кривотолкования в Совете рабочих депутатов.

Увы, увы. Надо, Павел Николаевич, тактично отговорить французского посла. Просить его отказаться от этого замысла, понять наше положение.

Теперь ещё такой вопрос: что делать с бывшими царскими поездами? Их – пять, и они великолепно оборудованы для поездок. Если кому понадобится из правительства. И неужели теперь их разорить?.. Жалко.

Но и оставить одиозно: что о нас подумают?

Милюков решительно заметил, что эти поезда могут понадобиться для иностранных гостей, например.

Склонились так: оставить три лучших – собственный императорский, заграничный и императрицы Марии Фёдоровны. А свитский и пригородный – упразднить. И будет пополам.

Дальше потекли назначения, назначения... Отставного полковника Грузинова назначить постоянным командующим Московского военного округа. ...Казённую продажу питей поручить профессору Политехнического института Фридману. ...Разрешить бывшему государственному секретарю Крыжановскому свободное проживание в Петрограде (опасается ареста).

Что-то сегодня всё заседание промолчал обер-прокурор Синода Львов, но с самым значительным дегенеративным выражением, зловеще прокатывая глаза и черня бородой.

Он – ещё не открывал им своей ярости, не пришёл час. Он был оскорблён, заножён, разъярён вчерашним внезапным непослушанием Синода, даже если не забастовкой архиереев! И он готовил удар: расчистить эту святую братию!

Но ещё не всё про себя решил.

543

Рижская поездка Гучкова.

В плане своей поездки только одно Гучков упустил: ведь в Ригу надо ехать через Псков. Снова по той же бездарной дороге его сомнительной поездки – и снова через тот вокзал, не принеший ему настоящей победы. И снова видеться с Рузским, участником и свидетелем той ночи? Почему-то очень было неприятно.

А вот что: если проезжать Псков ночью – можно и не видеть ничего, и не видеться. И не обязан министр начинать поездку с Главнокомандующего фронтом, может сразу проехать и к командующему армией. Так и решил. Но поезд задержался и вышел из Петрограда вчера вечером довольно поздно, так что во Псков попадал всё-таки на раннее утро.

И прицепленный к нему вагон военного министра тоже оказался не слишком подготовлен: в салоне по-прежнему ввинчены в стену портреты царя и царицы. Но подхватчивый Половцов энергично и охотно взялся сейчас же их и вывинтить. Тут же сам это и сделал, с помощью писаря.

Высокий ростом, лихо-воинственный видом, в папахе Дикой дивизии, постоянно подвижен, остроумен, проницателен, Половцов очень импонировал Гучкову, такого коренного военного и вместе с тем столь находчиво-насмешливого очень не хватало поблизости, да у него оказался и письменный слог так же отличен и отточен. А Половцов сразу упро-

сил взять в поездку и своего приятеля, корреспондента «Таймс» (пусть союзники знают о поездке министра!). Ну пусть.

Ещё ехали в вагоне с министром два адъютанта (теперь не было Мити Вяземского...), фельдъегерь и писарь с машинкой.

И караул из юнкеров-павловцев. (Юнкера остались в Петрограде одной настоящей военной силой.)

Ночью Маша продолжала подлечивать мужа, следила за лекарствами.

Во Пскове рано утром Гучков просил не раздёргивать занавесок, он даже видеть не хотел этого перрона, вокзала и башни водонапорной. Постояли – тронули, Гучков подумал, что всё обошлось, миновали.

Но спустя час в дверь купе раздался тонкий отчётливый стук Половцова. Оказалось: во Пскове ожидал их и вошёл в вагон генерал-квартирмейстер Северного фронта генерал-майор Болдырев: комендант вокзала предупредил штаб фронта о проезде военного министра. Русский, видимо, обиделся, не явился, а Болдырева Половцов уже час поил чаем и находил, что – умница. Может быть, Александр Иванович его примет, неудобно?

Да ничего другого и не оставалось, вот и вставать, а думал ещё полный день отлежаться в вагоне.

Болдырев был по типу «младотурок», с подвижным умом и зубоскальством над порядками. Но через его насмешечки видно было, что и он ошеломлён: творился какой-то злоедающий цирк, неуправляемые солдатские толпы врывались в канцелярии, штабы, арестовывали генералов или полковников и даже убивали.

Оттого ли, что в устной передаче, но всё это вдруг проступило Гучкову с живостью, – слушал он, слушал – представил: да ведь и его, военного министра, вот так же может арестовать толпа солдат? Чем он так уж недоступнее этих генералов?

А на станциях, узнав о проезде министра, выстраивались почётные караулы, ждали толпы железнодорожников и жителей, а то и местный гарнизон, и надо было выходить к ним с речами. Гучков призывал к единению против коварного врага – ему кричали: «Да здравствует первый народный министр!» – и несли к вагону на руках.

От голоса утомлялась грудь, и на перегонах он ложился, а Маша опять прикладывала холодные компрессы.

Унижало это безсилие в важнейшие дни жизни.

Впрочем, если б он был сейчас и совсем здоров, – он не представлял, что бы сейчас такое должен был первое спасительное делать. Понятно, что уходят часы и минуты, а что делать – непонятно.

Генерал Болдырев так и остался с ними в вагоне. Естественно было ему теперь доехать до армейского штаба.

В Ригу дотащился поезд – уже было темно. На вокзале ждала огромная толпа, выстроился почётный караул Финляндского драгунского полка, на его штандарте – большой красный бант. Трубачи играли марсельезу.

Сколько ни причислял себя Гучков к военным людям, и в поездках надевал полувоенные мундиры, – но первый раз его встречали как генерала, он ощутил гордость и прилив сил. Принял почётный караул от драгун и моряков, поздоровался с войсками, поздравил с новым государственным строем и просил поддерживать его. А навстречу выступил с рапортом Радко – тяжелоголовый, круглолицый, с раздавшимся подбородком.

После рапорта тепло обнялись и поцеловались. Ещё дошумливала музыка и общий гул, а Радко сказал Гучкову близко: поступили сведения, что террористическая партия намерена в Риге убить прибывшего Гучкова.

Гучков – поразился. Нет, он не испугался, как пугаются трусливые люди, но его обожгло. Обожгло не столько страхом, сколько обидой: неужели безумный террор способен

обернуться и против *них*, против нового правительства, против самой революции? Это уже было чудовищное извращение мозгов.

А толпилась на площади – масса, и покушение ничего не составляло произвести.

О, нелёгко будет путь революции!

Надо было ехать к Радко в штаб. Подавали автомобили. В один приглашали Гучкова с женой, но он решил разъединиться с Машей и позвал сестру с собою Болдырева:

– Ваше превосходительство, едемте со мной: не хочу, чтоб дети лишились одновременно отца и матери. Вот, собираются меня убить. Что делать, доля риска необходима.

– Да, – ответил Болдырев, – это маленькое неудобство вашей профессии.

(А про себя подумал: не спросил Гучков – а у него, у Болдырева, есть ли дети? – зачем ему садиться с министром? Неудобство выявлялось не только для министра.)

Да, Рига всегда бывала полна революционерами – а такой и связи в голове не возникло, когда наметили ехать сюда.

Всюду с домов торчали красные флаги.

Слишком медленно тянулась кавалькада автомобилей, слишком медленно. Ехал первый народный министр – и густые конные наряды охраняли его от народа.

Но всё обошлось благополучно – и Гучков невольно повеселел и поздоровел.

Предварительно, в тесном кругу высших офицеров, посовещались с Радко. Даже начальник штаба у Радко – и тот ведь был смещён Гучковым под угрозами солдатского гнева, – Радко этого не одобрял: такая уступка может повести к капитуляции. Впрочем, он был уверен, что к началу военных действий дух армии восстановится.

Безупречно был охранён их штаб – но в темноте колыхалась Рига, переполненная совсем неизвестными людьми и агитаторами из Петрограда, – и волны их уже бились в тыловые линии Северного фронта. Немец не шевелился от самого дня революции, и даже может быть плохо, что не шевелился: оттого резвей вели себя агитаторы, и разъедающая опасность налегала сзади.

Назначили на завтра благодарственное молебствие в кафедральном соборе, затем парад войскам, совещание в штабе армии, затем посещение миноносца, нескольких местных революционных комитетов, приём депутатов.

Потом – ужинали, вместе с двумя членами Думы, уже объезжавшими фронт, – Ефремовым, видным членом Прогрессивного блока, и комиком Макогоном. На обоих висели Георгиевские медали, которые дал им Радко за посещение Пулемётной горки. Было и дело: депутаты рассказывали о солдатских пожеланиях, и Половцов записывал для поливановской комиссии. А потом депутаты смешили всех рассказами о своих похождениях на фронте в эти дни.

И в безунывной бодрости Ефремова и в хохлацком юморе трезвого Макогона вдруг представилась вся эта революционная армейская катавасия – весёлым недоразумением, которое наш рассудительный народ оборет, почувствуется, не вступит в бездну, – и даже весело будут вспоминаться эти дни всеобщей растерянности и головокружения.

И Гучкова – самого потянуло рассказывать смешное, а он тоже умел. Нашло ему рассказывать о Протопопове, о его несомненном полном сумасшествии, как он ходил по лестнице задом, разные анекдотические случаи, очень смеялись. Сейчас уже странно было, что этот ненормальный мог руководить и Государственной Думой, и нашей парламентской делегацией в Европу, и министерством внутренних дел. Всё отошло как сон и вспоминалось смешно.

Нет, одолели мы то, одолели неодолимое – и нынешнее тоже одолеем!

Но остались с Радко вдвоём – и тот мрачно говорил о своих тылах, неподвозе, разболтанности железных дорог в несколько дней, без жандармов, и повсюдном непослушании офицерам.

Он придумал, что раз уж комитеты неизбежны, то выбирать смешанные солдатско-офицерские – до дивизии, до корпуса, до армии, и может быть только так мы ими управим. Вчера уже и начали такие выбирать: они будут поддерживать внутренний порядок, разрешать все недоразумения между офицерами и солдатами – ну и, само собой, бороться против контрреволюции. (По Риге развесил Радко приказ: ни в коем случае никогда не петь «Боже, царя храни».)

Идея таких комитетов Гучкову очень понравилась.

544

СРСД в Михайловском театре. – Как не дали царю убежать. – И о контроле за правительством.

Императорский Михайловский театр оперы и французской драмы – никогда, никогда не грезил увидеть сегодняшнее зрелище! Сегодняшнюю публику!

Первая тысяча и вторая тысяча – в грубых сапогах, шинелях, бушлатах, папахах, фуражках, не снимая их, ещё не отбросив недокурной махорочной цыгарки (где-нибудь на пол там), – пёрла и пёрла во входы, без всякого контроля, прихватывая и любопытных с площади, глазела на невиданные залы, на люстры, на лепку, путалась в системе перекрестных лестниц, через один этаж, и, чертыхаясь, перелезали к друзьям через перила, и пробивались наконец в главный зал, столбенели от пышного тёмно-жёлтого занавеса с государственным орлом и вылепленных девок по бокам его, а сверху – как на солдатскую безчасную надобность – выставлены и часы, да как бы не серебряные, а задери голову – весь круглый потолок ещё разрисован-разрисован. А в обвод зала – пузатые наклеплены гнёзда рядами, за жёлтыми занавесками, и там тоже уже свой брат, кто с какой лестницы попал, и светильниками утыканы все эти пуза, свету – залейся.

И ужайшими проходами между ложами и краями партера, где, бывало, в нежнейших нарядах, придерживая трен, проходили дамы по одной впереди своих кавалеров, – теперь протискивались сразу два-три здоровых дядьки, солдат или рабочих, спеша захватить себе место в ряду – жёлтое кресло с тёмно-жёлтым бархатом сиденья, и в редкое кресло садился один, а то всё вплотнялись по два и по два.

И когда уже все места по всем ярусам были захвачены, и ложи внабитку – всё равно депутаты не помещались. Чудо-занавес поплыл вверх – а там на помосте ещё сколько места! И попёр народ туда, усаживаясь на полу. И только попереду за столом держался президиум, а уж прочие члены Исполнительного Комитета садились на штабель декораций сзади.

Питерские рабочие, кто и видел прежде, как к этому театру подъезжают на фазтонах, – вот не думали и сами когда попасть в серёдку. И насыщенно, но и злорадно оглядывались теперь на всю эту красоту.

Сегодня здесь заседал и застоял полный пленум Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов – объединение тех и других.

А ещё сколько-то же осталось и в вестибюлях, и снаружи, – не влезли.

И вожди Исполнительного Комитета шурились на это невместимое, необъятное чудище Совета, от которого не знаешь, какой неожиданности ждать. Они почти и не встречались с этим чудищем. Неповоротливая, обременительная ноша, насколько удобней было бы Исполнительному Комитету поворачиваться без неё. Однако не были вожди уверены, что уже могут без неё. Они ещё не могли оценить соотношения сил, и в глубине ещё не забыли, что и сами-то не имеют полномочий. И вот сегодня выносили на повестку дня деликатный вопрос о Контактной комиссии, как узнавать действия правительства и передавать ему тре-

бования революционного народа, – утвердить на Совете созданную комиссию и её состав. (А глубже посмотреть: зачем это обсуждать здесь? Ненужный и опасный прецедент.)

Но раньше того – выдвинули эффектное событие ареста царя, и докладывать о нём взялся неуёмный Соколов: не успел сам арестовать, ни даже проверить в Царском, так хоть поговорить. Выскочил на авансцену живчик с бородкой и пятном белой лысины среди чёрной поросли – и захлёбчиво, многословно сообщал – о судьбе Романовых! И кого ж это могло не втянуть! А чем больше замечал Соколов, как захвачено дикое застывшее толпище, – тем драматичнее он добавлял и размазывал. И – как Гучков с Шульгиным без разрешения Совета поехали сговариваться во Псков. И как из Пскова царь снова кинулся захватить Ставку, чтобы оттуда повести армию на столицу. И как буржуазные круги хотели навязать царём Михаила, но Исполнительный Комитет настоял на отречении, и так уладили этот вредный эпизод. И как затем царь Николай задумал сбежать со всей семьёй в Англию, – (зал напрягся!), – а Временное правительство ему потакало, вело переговоры без ведома Исполнительного Комитета, но Комитет узнал и решил действовать самостоятельно, и послал множество воинских частей и даже бронированных автомобилей, они плотным кольцом окружили царскосельский дворец и так не дали Николаю Романову сбежать!

Царь и народ! – и народ в креслах императорского придворного театра, судящий о царе, – непредставимая ситуация! Эманация Великой Французской Революции! И на её поднимающих волнах Соколов упивался бессмертной ролью.

– Но один арест Николая II ещё не исчерпывает вопроса! Пока что мы лишили его только политических прав – но ещё не успели коснуться имущественных. А сколько у него имущества во всех пределах России! Какие имения! И какие огромные миллионы во всех иностранных банках! И он там за свои деньги купит себе монархистов! Теперь надо выяснить, какое имущество Николая Романова может быть признано личным, а какое – произвольно захваченным из государственного казначейства, – и всё это надо отнять!

Набитый жёлто-серо-чёрный зал волновался. Раздавались крики одобрения. И Соколов кричал, подхваченный одобрением:

– А раньше – нельзя его выпускать за границу! И думаем, что вы одобрите наше решение.

И уже на прорыве аплодисментов, верхним криком:

– И вы должны верить своему Исполнительному Комитету!

И зал хлынул густым хлопаньем. И – вскриками. И – воем. И – трёхпалым пронзительным свистом. И топотом сотен ног.

Соколов отошёл, вытирая пот с лысины, торжествующий.

Кричали:

– Все его проделки выяснятся!

– Вы нам докладываете, чего ещё узнаете!

– Та-а-ак!

Вожди Исполкома переглядывались: неплохо. Чудовище задобрено. Теперь:

– Слово имеет товарищ Стеклов.

И вышел на авансцену – такой крупный, уверенный, бородатый, как купец знатный, для народа располагающая фигура. И когда поутихли, стал густым голосом объяснять.

С этим правительством не обойтись иначе, как на него давить. Оно само такого натворит, что много может нам повредить. Мы сами не пошли в министры, но зато должны контролировать их. А без нас они слабы. Со временем они, может быть, соберут около себя консерваторов, но я надеюсь – мы им не дадим. Тут и вопрос о 8-часовом дне. И о демократизации казармы. Надо на них давить организованно. Вы – сила решающая, и они вам вынуждены подчиняться. Сила – на стороне революции, а не буржуазии. Мы им будем заявлять наши желания, а они чтоб не отговаривались незнанием. Они и сами к нам обращаются.

Вот почему Исполнительный Комитет избрал комиссию из пяти человек – контролировать правительство непрерывно. И вы, я надеюсь, это одобрите. Уже теперь ваше мнение может сделать всё. А может нам придётся опять совершать революцию.

Так забрал зал – даже перемахнул. Разожжённые во вкусе своей тысячеголовой власти, из зала густо кричали:

- Не доверять Временному правительству!
 - Обманщики!
 - Царские лакеи!
 - Устроить самим новое революционное правительство!
 - И во главе – товарища Керенского!
- (Не было его тут, но все знали.)

И – полезли ораторы, по коленкам соседей, через плечи сидящих на полу в проходах, и по ступенькам на сцену, – как их не выпустишь?

– ...Там, в правительстве, – капиталисты, которым нужен Константинополь. Надо бороться с Временным правительством, а не присягать им! Оно ещё не заикнулось, что нужно крестьянину и народу!

– ...Не надо связывать себя никаким контролем их! Правительство – крупнобуржуазное, одна клика заменила другую!

Вылез и за контроль:

– Мы переживаем момент организации.

И такой вылез:

– Тут говорят только вольные, а вот я, серый герой, Георгиевский кавалер... Серый русский крестьянин высказывает голос русской воли...

Не дали ему договорить, оттянули.

Опять рабочий:

– Не мы для правительства, а оно для нас. Так что должно безпрекословно исполнять наши требования. Если правительство с чем нашим не согласится – мы опять возьмёмся за оружие! Временное правительство должно быть просто секретарём Совета рабочих и солдатских депутатов, не больше.

Но и предупреждали:

– Товарищи, Петроград не похож на всю Россию! Оттуда многие приветствуют правительство. Ещё есть кроме нас Россия – и она не наша.

Но и успокаивали:

– Да мы всегда можем правительство арестовать! Если оно не уйдёт – так мы их и арестуем.

– Вопрос неясный! Продолжить прения.

И Стеков – при всех своих физических данных – растерялся от этой разногласицы и нескончаемого шума, которого не было сил остановить. И тут – волчком вывертелся на авансцену снова Соколов – всё же есть люди, незаменимые в революции. И предупреждающе поднял, держал руку. А зал – уже полюбил его за сообщение о проделках царя. Поверил в него. И смолк. И Соколов – быстро, но спокойно:

– Товарищи! Обсуждаемый вопрос – простой и ясный. Пока это правительство выполняет все требования Исполнительного Комитета, а мы можем его сколько угодно контролировать и внутри каждого министерства наблюдать хоть за всей перепиской, – мы призываем вас оставить его на месте. В настоящих условиях Исполнительный Комитет берёт на себя ответственность за деятельность Временного правительства.

Сразу вдруг и поостыли.

Полегчало.

Тогда, для новой замазки и доверия, – выпустить Гвоздева? – читать вслух пункты соглашения с заводчиками. Сейчас заревут в одобрение, верный успех.

Там – полезут с приветствиями, приветствиями.

Но никуда не уйти, опять этот проклятый режущий вопрос: можно ли перенести похороны жертв на Марсово поле? Не было уверенности, согласится ли Тысячеголовый? С похоронами что-то сильно упёрся.

545

Ярик в Москве у Ксеньи. – Танец. – Прогулка.

Такой прекрасной весны, как нынешняя, ещё никогда не бывало!

Никогда сила таянья не была такой пышущей. Никогда так тонко не замерзало к вечерам. Никогда не бывало таких нежных подснежников, покорных губам. Никогда столько не гулялось.

Да свободного времени никогда столько не было... Никакой весной не веселились так сразу все люди.

Ксенья с уверенностью угадала свою лучшую и заречённую весну! Все вёсны, которые она прожила до сих пор, – были только приготовлением. Всё, что она жила и мечтала до сих пор, – было приготовлением. И вот наконец счастье неизбежно должно было явиться Ксенье – именно этой весной, да просто вот в этих днях! Пришла пора радости! Всё нутро её это чувствовало!

И нутро же – жадным толчком завидовало каждой беременной, встреченной на улице. Каждой беременной. Уж кажется, в эти революционные дни чего только удивительного не было на улицах, лишь озирайся. Но и в эти дни ничто так не удивляло Ксенью, так не толкало в сердце – как вид беременных женщин.

Всё-таки это – чудо из чудес!

А гулянья было в эту неделю – не исшагать: занятия на курсах по-настоящему до сих пор так и не возобновлялись. (И балетная группа в революционные дни что-то не собиралась.) Ещё неясно было всему студенчеству: как же теперь их возобновлять? – в прежней ли форме или чего-то же добившись от революции! Первая победа была уже известна: в этом году институты, курсы и гимназии распускают раньше обычного! Профессора поздравляли студентов с обновлением России. Студенты-медики требовали: удалить нежелательных профессоров, минимум экзаменов и практических занятий для перевода на следующий курс. В Университете собирали то летучий митинг всех учебных заведений – на поддержку Временного правительства и войны, то уже и Совет Студенческих Депутатов. Каким-то общим собранным способом должно было решиться их общее студенческое будущее.

А тут призвал студентов и курсисток почтайт: что за революцию накопилось неразнесенных 60 тысяч писем, идите добровольно письмоносцами! И – хлынули, и Ксенья с подругами тоже. Да у неё все жилы тянуло от десяти минут смирной посидки – ноги требовали если не танцевать, то ходить и бегать. Нагружали их тяжёлыми сумками по утрам, но была большая поэзия: по незнакомым лестницам ходить, как будто ты везде свой, и разносить людям их задержанные жданные вести.

А по вечерам бы – в театры, так из-за четвёртой, Крестопоклонной, недели поста не было ни спектаклей, ни даже киносеансов. (Вчера – сороки, хозяйки жаворонков пекли.)

Зато сегодня вдруг приехал из Ростова Ярик, который, правда, и ожидался по письмам. Прекрасный подарок, и ко времени! Очень соскучилась: ведь не видела его ещё с до войны!

Вообще не видела его такого военного. Свой Ярик, братишка, однолётка, у носа по-прежнему веснушчато, детская доверчивая чистота безусого лица (над губой стал брить), глаза нескрытые, брови отзывчивые, – а на всё это наштампована война, мужское сжатие губ, но главное – насажен туго мундир, тугие ремни, венчающая голову папах, даже и странная на детском лице, – а уже и самый настоящий офицер, владетель двух сотен жизней.

Он пришёл – у Ксеньи сидела Берта. Ксения порхнула к нему, естественно обнялись поцеловаться – но губы сошлись, едва наискосок – и поцелуй вдруг полыхнул – Ксения в испуге оторвалась. И щёки загорелись.

Поздоровался с Бертой.

Обе они, в два голоса, стали его поздравлять со свободой и с революцией.

И тут выразился на нём изумлённый или печальный сдвиг бровей. И только что весело вошедший, он ответил им с закрытой усмешкой:

– Милые девицы, умойтесь холодной водицей и успокойтесь. Как бы эта свобода ещё не вылезла всем нам боком.

Сказал это настолько старше их, первый раз Ксения не ощутила права над ним зубоскалить.

– Да отчего же?

Ярик сидел на топком диване, а подбоченясь на колени, как-то по-походному.

– Да что ж, – протянул. – Даже донские казаки – и те атамана прогнали. Сколько я ехал сейчас – ни на одной станции охраны не видел, и мосты – не охраняются. Приходи немец – и взрывай. Иной солдат мимо офицера проходит – только что плечом не толкает.

– В Москве этого нет.

– Ну как же нет, да много так. И в трамвае.

Он уже пробыл несколько часов в Москве, остановился при казармах у приятеля.

– И в Москве на вокзале – охрана распушенная. А приказы вашего нового командующего висят – что это за подполковник во главе Округа? – что запрещает побег и самовольные отлучки? Чтоб такой приказ издать – знаете сколько нужно этих побегов?

Не приходило в голову. Они этих приказов не замечали, не читали.

– Пишет: «бежать с фронта – преступление перед родиной». Так это что ж – и с фронта уже бегут?

Опять сдвинулись губы, брови. На девиц посмотрел – и вниз наискось.

Берта вскоре ушла. А хозяек обеих не было – редкий случай, и ещё больше часа могло быть до возврата. И Ксения – решила рискнуть. Предложила с порывом, так хорошо ей стало:

– А хочешь, пока хозяек нет – я тебе потанцую? А кормить – уже потом буду. А пока вот – жаворонок съешь.

– Да что ты! – просиял Ярик. Она раньше так его не баловала, чтоб специально для него танцевать. – Конечно!

– Только я уже теперь не босоножка! – предупредила.

Заволновалась. Не только потому, что нагрянут хозяйки и будет очень неудобно. Но: никогда в жизни она не танцевала наедине с мужчиной, для него. (Хотя – какой же Ярик и мужчина?)

Но уже было – кинуть, поймано, не вернуть. И в запретной, чинной столовой, где Ксенья позволялось отнюдь не всё, – а стол-то как раз стоял в стороне, удобно, широкая полоса вдоль окон свободна – быстро отодвинула кресла под чехлами к окнам, а стулья задвинув под скатерть поглубже, открыла прямой пропуск по начищенному паркету, – и убежала в свою комнату. Молниеносно сменила платье, туфельки, надела красное плоское ожерелье – и в узком чёрном выскользнула к нему.

И как раз проступили в окна, через тюлевые гардины – предзакатные жёлтые лучи.

Сама себе напевая музыку – проходила, пролетала туда и назад, с поворотами, выступкой, с перебежкой, прокрутами, то руки косо вперёд, как будто летя, – и правда чувствуя себя летящей, способной к полёту! Давно так счастливо не танцевала – но и всё время чувствуя, и почему-то тревожно, присутствие своего зрителя.

А он сидел, утонувши в диване, перебегающе следил – но ни слова, и не хвалил, так поражён.

А ведь – лучший способ разговора! Как можно много выразить в танце – гораздо больше слов. Какая в танце есть несвязанность! (Хотя ещё и не полная откровенность.)

Он – не похвалил, и она убежала молча, ощущая так, что произошло в этом танце нечто.

И опять, очень торопясь и волнуясь, переодевалась – теперь в украинское вышитое, с широкими рукавами, с монистами.

И – выскочила, проплясала ему яростного гопака!

Вскрикивала громко! – тут и он стал вскрикивать, и даже кричал от восторга, подхлопывал ей ритм – встал – пошёл к ней, поймал за руки – и так доплясались до хохота. И он её обнял. Крепко-крепко.

Крепче, чем.

Полмига казалось – сейчас будет её целовать, и совсем по-новому.

Испугалась, оторвалась. И опять убежала.

И хотелось ей ещё чардаш сплясать – но долго шнуроваться. Да благоразумие требовало лучше убрать все следы. Так и правильно. Едва переоделась, уже шум от дверей, – быстренько подвигали мебель на места. Вернулись хозяйки.

И хорошо, что вернулись: после объятия созданся между ними ожог – не прикоснуться, и говорить наедине невозможно. А за общим столом потёк разговор о революции – и Ярик малоодобрительно о ней говорил, и так угодил хозяйкам.

Да, что же в Ростове?! (Ксенья и о Ростове не успела его расспросить, уж самое главное.)

После ужина пошли с Яриком погулять.

На их глазах молодой зеркальный месяц зашёл за Храмом Христа. Вечер был крупнозвёздный, но почти как будто без заморозка, тёплый, – или так казалось?

Бродили по набережным – сперва по Софийской, потом перешли к Водоотводному и по Кадашевской. Может и нигде в городе, но здесь-то особенно в эти тёмные часы никак не выдвигалась в глаза революция, не сказывалась ничем, и красный цвет если ещё где был, то уже не заметен. Такой же вечный тёмный Кремль, устойчивые чугунные решётки – и белеющая ледяная москворецкая цельность, впрочем уже с подмоинами, подбухшая, вот-вот готовая пойти.

И Ксенья вот так же была вся готова – пойти.

Он вёл её крепко под руку, подпустя пальцы ей на кисть под перчатку – и иногда водил ими там, глядя.

Нежно.

В полутьме не так было видно его детское лицо, едва угадываемое, легко придумываемое. Чётко – шинель, ремни, шашка, фуражка, сапоги, – она шла с боевым фронтовым офицером и иногда совсем забывала, что это – сводный брат её.

С фронтовым офицером – гордей всего и было гулять.

Вообразить бы его совсем незнакомым, как будто вот только что познакомились, – и, странно, тогда легче, открытей.

О Ростове – вдруг не захотелось говорить. И он догадался, почти не рассказывал. Да ведь у них был один общий и московский год – она курсисткой, он юнкером, – но и его не вспоминали.

И перестал называть «сестрёнкой» и не говорил «печенежка». Просто, часто, – «ты».

А рассказывал фронтовое разное, и всё такое важное, свежее, – даже старая лесопилка на обратном склоне, не растащенная на блиндажи, но приспособленная под штаб полка.

И как Рождество встречают на фронте.

Лишь бы звучали голоса.

Да какой он брат? Лишь товарищ отроческих лет – чему это мешает? Брат – это скучный лысоватый Роман, считающий деньги, не пошедший на войну. А этот – воин, мужчина!

И всё время – крепко под руку, всем локтем до конца и плечами тесно.

Нежно.

Совсем новое установилось между ними. После сегодняшнего танца.

Хорошо танцевала. Как легко в танце! – а так путано в жизни.

Зачарованно так пробродили – ничего больше не было, но уже много. Уже – достаточно пока.

Так в темноте и привыкла видеть – лицо совсем новое, мужественное, незнакомое.

Расставались, уговорились: и завтра встретиться днём, гулять, и послезавтра.

Какие это особенные вечера! – уже неотвратимо подступающей весны.

Возвратилась домой возбуждённая, счастливая, наполненная, долго не могла заснуть.

Как это так вдруг переменялось?

Всё хорошо: и что он такой изученный, близкий – и что такой вдруг незнакомый.

Одиннадцатое марта Суббота

546

(Февральская мифология)

НИКОЛАЙ БЫВШИЙ. Да будет проклята лже-романовская династия ныне и присно, и во веки веков! Первое преступление «немкиного мужа» – это измена и предательство. Коварный лицемер, предатель в душе, вероломный, неискренний и лживый...
(«Русская воля»)

...В начале войны надеялись, что царь не захочет безчестья себе и своему войску. Но, видно, у царя было нерусское сердце. А министры ни о чём, кроме своей выгоды, не думали...

...Сношения августейших пораженцев с Германией не вызывают никаких сомнений. Арестом их – нанесён смертельный удар по шпионажу.

...Теперь мы узнали, что в России была крупная немецкая партия. Она опиралась на государыню, которая не могла забыть, что в Германии её братья и родственники. Немецкая партия хотела поражения России. Она находилась в сношении с германским штабом и выдавала военные тайны. Предателей будут судить, и на суде выяснятся все подробности.

...Мы узнали кошмарную правду о том, какой удар готовили высокопоставленные иуды стране и героической армии, измышляли вернейшие способы предательства... Мы начинаем это узнавать из английской печати...

...Россией фактически управлял не Николай II, а Вильгельм...

В КОЛЬЦЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВА. Как мы могли воевать? Неужели мы до сих пор ещё не разбиты? Наши поражения были естественны и логичны, наши победы – вопреки здравому смыслу. Сегодня открытие за открытием: измены не только были, но они превосходили всякое воображение. На измену возникла мода: кто чище предаст свою родину? Николай давал тон. Шли беспроволочные телеграммы Вильгельму.

...Россия, распинаемая безмерным предательством, уже казалась умирающей... Никогда со времён Иуды Искарота над народом не совершалось такого предательства.

Ф. Сологуб

...Русский народ защищал Россию вопреки своему недостойному правительству. Но в народе всё больше вкоренялось убеждение, что правительство боится победы.

Д.В. Филосовов

...Безтолковая несуразная русская жизнь, в которой всего было в изобилии, кроме счастья...

...Жалеть ли прошлого? – расслабленного, психически-гнилого, заражавшего свежую народную жизнь только смрадом и ядом..

...Все члены государственного тела России были поражены болезнью, которая не могла пройти сама, ни быть излеченной обычными средствами.

Александр Блок

...Мы жили в крепостническом режиме до последних дней.

...Как накануне 1 марта 1881, так и накануне 1 марта 1917 царизм пускал в ход только нагайку, пулю и виселицу.

...Гнусный режим грубого произвола, в котором задыхалась вся Россия, кроме хищной шайки диких помещиков...

...Режим продажности годами торговал народной кровью.

Чхеидзе

...Народ, который оскорбляли годами, до сих пор считался удобрением и подстилкой. Людям надоело быть выючными животными, надоело терпеть вечное унижение, опротивело постоянно кого-то подкупать, перед кем-то вымаливать.

(«Новое время»)

...От старого режима больше всего страдала свободная печать.

...Все еврейские погромы были делом рук правительственной власти. Да и правительство не особенно тщательно скрывало это.

(Кузьмин-Караваев, «Биржевые ведомости»)

...Погромы удавались только тогда, когда в них принимала участие переодетая или даже непереодетая полиция.

...Россия была превращена в огромную тюрьму. Кладбищенский покой царил в России, и только псы мракобесия и слова ненависти были безусловно свободны...

ДИНАСТИЯ ГРЕХА И КРОВИ. ...Триста с лишком лет как кошмар тяготел над Россией. ...История русских царей – это история временщиков, шептунов и предателей.

...Александр II вполне заслужил свою казнь от рук смелых революционеров. Казнь 1 марта 1881 года показала, что борьба с царизмом возможна только путём крайних мер, не знающих пощады.

...Но всех Романовых превзошёл по жестокости Николай II. Человечество не знает более кровавого царствования, чем царствование последнего Романова. Войны и казни, расстрел безоружных, предательство и измена Родине – вот что глубоко запало в народные души.

...Николай II был одним из самых преступных насильников, какие только были известны миру.

...Реки крови, которые пролил романовский последыш, затмевают Ивана Четвёртого.

...Царь вышел глупый-преглупый. Рождённый быть безголовым, инстинктивно был недоволен: зачем ему голова... Полная нечувствительность к эмоциям нравственного восприятия. Маленькие страстишки, поверхностная сентиментальность. Опасный неврастеник, может быть даже параноик... Дегенеративные начала несомненно переданы Александрой Фёдоровной всем своим детям... Россия может считаться счастливой, что отделалась от Александры Фёдоровны так дёшево.

Александр Амфитеатров

...О благе народа царь совершенно не думал, через пять минут всё забывал.

...Вокруг царя было гомерическое пьянство...

...У него были деспотические замашки и бесконечная рыхлость характера...

...Ханжа и делано религиозная Александра Фёдоровна была полна всех пороков. В ней не было настоящего сознания поститься, но по каким-то тайным соображениям она строго преследовала скоромное. Она имела немало фаворитов.

...По духовному завещанию Николая II в случае его смерти регентшей объявлялась Александра. Будущая «Екатерина III» спешила приблизиться к заветной цели. Главное, ей нужно было укоротить жизнь Николая. Зная наследственную слабость его к алкоголю, А.Ф. пустила стрелы в этом направлении. Но Николай пил и не сдавался. Тогда организовали покушение на его жизнь. Подробности заговора вскроются во всей своей неприглядной наготе, когда над супругами будет назначен гласный суд.

...Диктатура безумия поставила страну на край пропасти...

...Государственная Дума объясняла, как помочь беде с питанием, но царь никого не хотел слушать...

...Анархия, которую сознательно сеяло правительство изменников и врагов народа, вынудила страну вступить на путь самозащиты.

...Одна сила, перед которой народ преклонялся и безгранично верил, – Государственная Дума. К ней обратились теперь взоры восставших, под её охрану отдали молодую русскую свободу.

...Никакие частичные мероприятия не помогли бы. Надо было разрушить до основания всё старое здание.

...Царское правительство с сознательным расчётом вело явную политику довести народ до края отчаяния, до исступления, вызвать на восстание – и залить его дымящейся народной кровью. И момент был чрезвычайно подходящий для правительства: жестокая война удерживала всех нас от выступления.

А.Серафимович

...Революция произошла тогда, когда страна сказала себе, что со старой властью она победить не может.

...Революционный пролетариат и революционная армия спасли страну от окончательной гибели и краха, который приготовило царское правительство... Революционер-рабочий и солдат мощной рукой удержали народное хозяйство от падения в пропасть...

...проклятая поганка на теле России...

...Уничтожен внутренний гнойник, заражавший всё национальное тело. Мы не только освободились – мы вымылись от грязи, прилипшей к России. Когда стало очевидно, что именно терпение ведёт нас к неизбежной гибели, ему должен был наступить конец, иначе Россия не была бы Россией. Везде задавались мучительным вопросом: достойна ли Россия существовать на свете?

(Евг. Трубецкой, «Речь»)

...Весь народ признал: то, что случилось, – хорошо. Велик Бог земли русской, что уберёт её от дворцового переворота в февральские дни, но дал вызреть народному гневу. Рок России, такой несчастный, на этот раз оказался счастливым.

...Русская революция уже названа чудом – и это верно. Режим, под гнётом которого жила Россия, был режимом лжи. Ложь была возведена в культ. И вдруг страна с ничтожным напряжением её с себя стряхнула.

...Это историческое чудо очистило и просветило нас самих.

П.Струве

...«Столыпинским галстуком» нас хотели задушить навсегда. Все ждали революционного вихря, но все и боялись его: улицы, обгаренные кровью, казни без конца. Но наша революция – особенная, мы сияем миру ровным светом. Закалившись в страданиях, подвергаясь невероятным пыткам, ужасам средневековья, мы сохранили незлобивость и великодушие.

...Великая русская революция не оказалась ни мстительной, ни жестокой...

...Бывали революции буржуазные, бывали пролетарские, но революции национальной доселе не было на свете. Эта революция – народно-русская, всенародная в высшем значении слова.

...Всё было против нас – и мы воевали. Можно ли сомневаться, что мы теперь победим?..

...Германия ещё не получала более решительного удара, чем наша революция...

...В новом строе измена по отношению к союзникам не зреет, как зрела она в старом строе.

...Теперь в России не может быть пораженчества, психологически объяснимого прежде. Оно может существовать только в чёрном подпольи черносотенства.

...В минуту, когда Германия запоёт марсельезу, – наши руки соединятся. И скоро не будет никаких армий – и зачем заботиться теперь о глубокой армейской реформе? По всему фронту, обращённому к немцам, разверните красные победные знамёна!

Леонид Андреев

...Переворот в России – не только русское, но и мировое счастливое событие. Россия своей колоссальной массой задерживала общий прогресс человечества. Именно её грозная сила помешала совершить в Европе политическую реформацию, начатую Соединёнными Штатами в 1776 и Францией в 1789. Россия казалась мёртвым грузом на ногах новой цивилизации.

(Меньшиков, «Новое время»)

...Русское государство вновь, как встарь, стало единым владыкой своих судеб. Истекшие дни показали, как неслышанно созрел русский народ. Опираясь на таких граждан, Временное правительство будет в состоянии довести наш народ до окончания блестящей победы и до Учредительного Собрания.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ГОРДОСТЬ. Россия свободна! Идёт таинственный процесс коллективного творчества.

...гнилые и ядовитые ростки самодержавия... Мы вырвали их и вспахиваем землю новой России, чтобы на ней насадить прекрасный сад свободы и демократии... Какое великое счастье жить в эти дни!

...Во дни святого счастья
Возникнет над землёй
Блаженного безвластия
Желанный строй.

В пыли не зашевелится
Вопрос жестокий: чьё?
И в сердце не прицелится
Безумное ружьё.

(Ф. Сологуб, «Биржевые ведомости»)

* * *

Супротив печатного не соврёшь

* * *

547

В. кн. Николай Николаевич узнаёт о своей отставке.

Радостную, упоённую ночь провёл Николай Николаевич! Среди ночи просыпался и ощущал – как он счастлив! и как наконец он поведёт славную русскую Армию! Кажется, до утра не дожидаться, скорее к действию.

После полутора лет несправедливого изгнания от злобной императрицы – возвратился он на своё законное место. И покоящееся тело его и удовлетворённый разум наполняло это радостное сознание: до чего же он наконец на месте. И как вся Армия теперь воспрянет: обожаемый Верховный Главнокомандующий! И как вся Россия теперь вздохнёт свободнее, зная, что войска поведёт её любимец.

А ночевал Николай Николаевич в вагоне: в губернаторском доме ещё складывалось Никино имущество, ещё пока там всё перечистится, переставится, прежде чем въезжать, а потом и Стану позвать из Киева. В большой бодрости великий князь поднялся, умылся, помолился, выпил утренний кофе и уже намеревался ехать в штаб, принимать одно энергичное решение за другим, чтобы перетряхнуть Армию к победе, – как доложили, что просит приёма полковник из Петрограда с поручением от князя Львова. Вот как? – наконец-то, давно пора им отозваться. Но вестей от князя он очень ждал на Кавказе, тогда – удивляло молчание правительства, в такие решающие дни. А теперь, для Верховного, сообщения с правительством становились рутиной. Принял полковника в салоне уже на ходу, стоя: что там?

Полковник виновато докладывал, что он уже четвёртый день с этим письмом едет за князем, но везде разминулся в дороге.

Однако Верховный Главнокомандующий, не осердясь на задержку, оставил объяснения без внимания, рассеянно поспешно вскрыл письмо тут же, при полковнике, развернул – и...

– проколотый! —

...ещё по-военному развернулся и сумел уйти в своё купе.

И диагонально припав к столику, ещё читал, не веря, не умея понять:

«...обсудив вопрос о назначении Вашем на пост Верховного Главнокомандующего, пришли к заключению, что создавшееся в настоящее время положение делает неизбежным оставление Вами этого поста. Народное мнение резко и настойчиво высказывается против занятия членами дома Романовых какой-либо государственной должности. Временное Правительство не считает себя вправе остаться безучастным к голосу народа, пренебрежение которым может привести к самым серьёзным последствиям... Временное Правительство

убеждено, что и Вы во имя блага Родины сложите с себя ещё до приезда Вашего в Ставку звание Верховного Главнокомандующего...»

Нет! Нет!! Нет, он этого не ожидал! Нет!! В революционные дни он готовил себя к неожиданности – но не такой!! *Этого* – нельзя было предвидеть!

Это будет... Это будет... Это будет – Третье Отречение?!

Отречение Ники? – имело смысл: засыпка пропасти между властью и обществом.

Отречение Миши? – имело смысл: Мише был не по силе трон.

Но какой будет смысл *этого* отречения – оторвать от Армии её Вождя?!!

И – что же решать? И – что можно решить? И – с кем же посоветоваться?

И – *кто* его отрешает? Назначенный в один час вместе с ним какой-то Львов?..

Ах, как роково получилось, что Стана не поехала с ним сюда! Ах, как же нужна сейчас умница Стана с её твёрдым взглядом на события! Как роково получилось, что в такой день, при таком решении! – и они разлучены...

Сегодня Стана, Милица и Петя должны быть в Киеве.

С Алексеевым? Но Алексеев – не великокняжеской крови, не ровня. И что-то вчера он не понравился: прятал глаза, был хмур. Великий князь даже подумал вчера, не разочарован ли Алексеев, не хочет ли он стать Верховным сам?

Да и – о чём же с кем советовать, если написано так ясно и в правительстве уже всё решено?..

А пружинилось в великом князе великое нетерпение, которое и было двигателем его полководческих действий, нетерпение, которое никогда не давало ему выжидать, прятаться, – но вытягивало проявиться раньше всех и решительней всех.

Унижаться? Цепляться за пост? Просить? Ни за что!!!

Но – быстрее! но – больше! – швырнуть им!!

Конечно, можно не спешить сдавать – ведь он уже принял командование! Можно ехать в штаб, работать, обдумывать, обсудить и с Алексеевым.

Но – нет! Но – быстрее! Швырнуть им!!

От груди и в спину проколола насквозь обида – уже не на какое-то там правительство, а на саму Россию! Если Россия не оценила великого князя, если Россия не хочет его – неужели он будет навязываться?! Нет! – и горло его задрожало. Он даст и России почувствовать своё достоинство! Он – именно хочет теперь в благородстве опередить и саму Россию! Он даже и не может ждать ни одной минуты!

И – метнулся саженными шагами мимо забытого полковника – к адъютанту! бланк телеграммы!

Плюхнулся на скамью, подогнув остроугольные ноги, – и размашистыми крупными буквами писал:

«Рад вновь доказать мою любовь к родине, в чём Россия до сих пор не сомневалась».

И хотя горло всё так же дрожало, но уже и удовлетворённо.

Пусть Россия прочтёт – и пожалеет.

И уже равнодушно – отдал адъютанту на отсылку.

Огненный порыв вырвался из тела как душа – и даже голова ослабла на шее, требовала ручного подпора.

И посидел так тихо. И пришла мысль: но если он не Верховный – то кто же теперь?..

Ах, зачем его вытребовали с Кавказа! Уж как хорош он был на месте там.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.